ISSN 2218-1393

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Российской академии наук

ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Журнал

Сетевое научное издание

Выходит два раза в год

№ 1 (18)

Москва 2023

ISSN 2218-1393

INSTITUTE OF LINGUISTICS

Russian Academy of Sciences

LINGUISTICS AND LANGUAGE TEACHING

Electronic Journal

Published biannually

No. 1 (18)

Moscow 2023

DOI: 10.37892/2218-1393

Издается с 2009 года

Редакционная коллегия

Е. Р. Иоанесян, главный редактор (Институт языкознания РАН)

О. А. Гулыга, отв. секретарь (Институт языкознания РАН)

В. З. Демьянков (Институт языкознания РАН)

П. С. Дронов (Институт языкознания РАН)

А. В. Дыбо (Институт языкознания РАН)

Д. Б. Никуличева (Институт языкознания РАН)

Н. М. Разинкина (Институт языкознания РАН)

Н. К. Рябцева (Институт языкознания РАН)

К. Я. Сигал (Институт языкознания РАН)

И. И. Челышева (Институт языкознания РАН)

K. Hengst (Universität Leipzig)

R. Libertini (Katolícka univerzita v Ružomberku)

W. Mieder (University of Vermont).

Учредитель: Институт Языкознания РАН.

Дата публикации: 04.09.2022.

Телефон редакции: +7 (495) 690-35-85.

Email: lingimetod@iling-ran.ru.

Проблемы описания языка

Language Description

DOI: 10.37892/2218-1393-2023-18-1-4-24

Нумерологический код культуры и его использование в преподавании иностранного языка и межкультурной коммуникации (на материале английского и русского языков и лингвокультур)

О.Б. Абакумова, М.В. Цуканов

(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Аннотация

В статье рассматриваются русские и английские пословицы, репрезентирующие числовой код лингвокультуры неблизкородственных языков. Основное внимание уделяется его представленности в единицах русской и английской фразеологии и возможностям обучения иностранному языку и культуре через сопоставительный анализ фразеологизмов и паремий, содержащих компоненты нумерологической природы. Кроме того, исследуется культурная коннотация чисел в рамках сопоставляемых лингвокультур. Статья содержит некоторые методические разработки (систему тестов), которые помогут учащимся глубже овладеть иностранным языком и избежать серьезных проблем в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова

Числовой код культуры, фразеологизмы и паремии, сравнительно-сопоставительный анализ, методика преподавания иностранных языков и культур.

I. Вводные замечания

Числа являются универсальной категорией мышления человека и имеют абстрактно-конкретную природу. Числа тесно связаны с предметным миром и взаимодействуют с ним. Как пишет Н. Д. Арутюнова, «число являет собой, возможно, наиболее отвлеченный от материальной и событийной реальности концепт, и в то же время в жизни и в сознании человека число тесно связано и постоянно взаимодействует с предметным миром» [Арутюнова 2005, 6]. В различных мифологических, религиозных и философских системах числа выражают амбивалентность. В языке числа могут служить как результатом, так и основой метафорических переосмыслений, что позволяет отнести их как к области цели, так и к области источника метафорической модели. Дж. Лакофф в своих работах (прежде всего, [Lakoff, Johnson 1980]) акцентирует внимание на том, что метафоры являются не просто украшением речи, а нашей основной формой мышления, и что язык и наша способность мыслить взаимодействуют друг с другом. Соответственно, выражение «математическая метафора» может пониматься в двух смыслах. С одной стороны, математическая метафора — это «метафора в математике», т.е. те семантические преобразования, в результате которых у слов естественного языка появляются специальные значения, что приводит к возникновению языка математики, ее терминологического аппарата. С другой стороны, сам язык математики становится основой концептуализации и описания других семантических областей. О математической метафоре в этом последнем значении и пойдет речь в данной работе. Опираясь на опыт работы над проектом описания русской фразеологии, мы рассмотрим русские и английские пословицы, в которых математические операции являются образной основой и подвергаются разного рода семантическим преобразованиям, и покажем характерные для фразеологии способы и результаты этих преобразований.

Нужно сказать, что когнитивный подход к языку стал одним из основополагающих направлений в лингвистике за последние десятилетия. Этот подход сосредоточен на том, как люди используют язык для выражения своих мыслей, представлений и восприятий мира. В рамках когнитивного подхода исследователи обращают внимание на то, как

язык отражает наши когнитивные процессы, включая восприятие, внимание, память, мышление и рассуждение.

Кроме того, когнитивный подход к языку уделяет внимание тому, как язык связан с культурой и обществом и как он используется для передачи культурных ценностей и норм поведения. Это позволяет лучше понимать, как язык и культура взаимодействуют друг с другом, и как они влияют на наше мышление и поведение.

Изучение языка и культуры тесно связаны, и знание культурных особенностей и традиций помогает лучше понимать язык и его использование в различных контекстах. Пословицы и поговорки являются важной частью культуры любой страны, они отражают менталитет и ценности народа, его историю и обычаи. Изучение пословиц и поговорок помогает лучше понимать культуру и мышление народа, а также улучшает коммуникацию в языковом социуме. Кроме того, пословицы и поговорки могут быть полезны в изучении грамматики и лексики языка, так как они могут содержать множество полезных выражений и оборотов речи.

Код позволяет выразить значимые для людей и, следовательно, зафиксированные особенности взаимоотношения с окружающей средой, а также взгляды на реальность. Емкость кодов характеризует их выразительный потенциал, то есть способность полностью, точно и надежно передавать информацию об определенных аспектах реальности, передающиеся с помощью национального языка, отражающиеся в многочисленных текстах, включая пословицы, поговорки и национальную классику. Так изучение фольклорных текстов и национальной литературной классики поможет понять национальный культурный код и сохранить его в безопасности. В связи со всем вышесказанным, существует необходимость также упомянуть понятие числового кода, которое и будет основным понятием, рассматриваемым в нашей работе.

Таким образом, понятие числового кода стало невероятно актуально и востребовано в области лингвокультурологии, социологии, лингвистики и в ряде других гуманитарных наук, интересующихся состоянием культурной жизни общества.

В данной работе будут описаны числовые коды, выявляемые на материале таких фольклорных единиц как пословицы русского и английского языков. После чего, на основе сравнительного анализа пословиц, будет совершена непосредственная разработка методической серии вопросов для семинарских занятий по межкультурной коммуникации

II. Основные положения

Ведущим понятием лингвокультуры является понятие кода культуры. По утверждению В.Н. Телия, код культуры есть не что иное, как «формирующая определенный фрагмент картины мира совокупность ментефактов, которые связаны с наделенными культурными смыслами феноменами бытия. Имена последних несут в дополнение к основным значениям, отражающим свойства именуемых феноменов, функционально значимые для культуры смыслы» [Телия 1996; Телия 2006]. М.Л. Ковшова и Д.Б. Гудков определяют код культуры как систему знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; способ сохранения и передачи культурной информации; тип культурной памяти [Ковшова, Гудков 2017, 40].

В.В. Красных считает, что следует разграничивать понятия код культуры и культурный код. Она предлагает закрепить за культурным кодом статус менталитета, который обусловливает специфику миропонимания, мировосприятия, мироощущения представителей определенной культуры, или «ментальности, т.е. совокупности ценностных ориентиров, социо-нормативных установок» и под. Что касается кода культуры, то он имеет более конкретное и узкое понимание, представленное в работах В.Н. Телия [Телия 1996, 2006].

Важным моментом, который требует уточнения, является понятие базовых кодов культуры и их классификация. В.В. Красных [Красных 2016, 379] предлагает следующий список базовых кодов культуры:

Антропный код включает собственно антропный (*владеть собой, сам не свой*) и соматический / телесный (*светлая голова*, *на носу*, *за плечами*, *рукой подать*).

Биоморфный код включает в себя зооморфный, внутри которого могут выделяться собственно зооморфный, связанный с животными и птицами (*здоров как бык, свободна как птица*), инсективный, связанный с насекомыми (*выделывается, как муха на стекле*), вегетативный/растительный код связан с растениями (*тише воды, ниже травы*), дендрарийный, связанный с названиями деревьев (стройная, как березка), фитонимический, имеющий отношение к цветущим растениям (бабушка божий одуванчик).

Природно-стихийный код включает в себя природно-ландшафтный (*не за горами*, *гора (посуды)*, *море (вопросов)*, *реки (слез*)) и стихийный, связанный с основными стихиями (*людская молва — что вода*).

Временной код не поддается, как показывают наблюдения, дальнейшему членению; он формируется оязыковленными представлениями о времени (*час настал*, *пришло время*, *найти время*, *убить время*, *битый час*).

Пространственный код также не поддается членению, но может быть детализирован, что позволяет говорить о внутреннем мире человека, здесь могут выделяться различные локусы, такие как локус мыслей — голова (*в голову пришла мысль*, *выскочило из головы*), локус чувств — душа/сердце (*в душе шевельнулась жалость*, *в сердце закралась тревога*), а также о границах тела человека, мире своих и мире чужих (*родная земля/сторонка*, *за тридевять земель*, *у черта на рогах).*

Артефактивный/предметный код. Если под артефактом понимать некий предмет (в широком смысле), сделанный и/или окультуренный человеком, то внутри данного кода может быть выделен собственно артефактивный код (*разориться) до нитки*, *глазки-пуговки*).

Нумерологический код далее не членится, будучи связан с представлениями человека о числах как таковых, о «полных» и «неполных» числах (*дважды два четыре*, *на все четыре стороны*).

Колористический код также далее не членится. Он связан с оязыковленными представлениями о цветах (*на голубом глазу, белый свет, темные / светлые мысли*). Сюда же можно отнести выражения *грязная история, чистая правда*.

Акциональный код далее не членится, он может соотноситься с любым живым существом, следовательно, может сочетаться и с антропным, и с биоморфным (*Время летит*).

Духовный код культуры стоит последним в списке, но не является последним по значимости. По сути это совокупность нравственных ценностей, установок и представлений человека; он пронизывает все другие коды, и именно в нем реализуется базовая оппозиция самой культуры достойно / недостойно человека, личности (*Правда живет у Бога*).

Крайне важно отметить, что коды культуры самым непосредственным образом связаны со всеми подсистемами лингвокультуры: когнитивной, метафорической, эталонной и символьной.

Культурный код отражает нормы, ценности, традиции, обычаи, символы и другие элементы, которые определяют культурную идентичность народа. Все эти элементы культурного кода взаимосвязаны и определяют культурную идентичность народа. Таким образом, тематические коды культуры представляют собой важную модельную область для лингвокультурологических исследований. Они являются ключевыми элементами культурного пространства и позволяют культуре говорить через тексты, в которых они фиксированы. Понимание культурных кодов важно для межкультурного общения и лучшего понимания ценностей, норм и традиций других культур.

Код позволяет выразить значимые для людей и, следовательно, зафиксированные особенности взаимоотношения с окружающей средой, а также взгляды на реальность. Емкость кодов характеризует их выразительный потенциал, то есть способность полностью, точно и надежно передавать информацию об определенных аспектах реальности, передающуюся с помощью национального языка, отражающуюся в многочисленных

текстах, включая пословицы, поговорки и национальную классику. Так, изучение фольклорных текстов и национальной литературной классики поможет понять национальный культурный код и сохранить его в безопасности.

Число — это понятие, служащее выражением количества, т.е. то, при помощи чего производится счет предметов и явлений. Число служит одним из способов проявления категории количества в языке. В связи со всем вышесказанным необходимо упомянуть числовой код, который и будет основным понятием, рассматриваемым в данном исследовании на материале фразеологических и паремических единиц.

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский рекомендуют изучать фразеологизмы как языковые единицы, «отражающие особенности лингвоспецифической картины мира и, соответственно, особенности менталитета народа» [Баранов, Добровольский 2013, 38]. Авторы определяют пословицы как фразеологизмы со структурой предложения, обладающие обобщенным значением и дедуктивной функцией. А.В. Кунин считает пословицы коммуникативными фразеологизмами [Кунин 1986].

Исследователи фольклора, относящие пословицы к текстам, считают, что их семантика складывается из темы (идеи), образа и синтаксической конструкции (структуры) (см. работы К. Григаса [Григас 1987], М. Кууси [Кууси 1978]), но ведущим, по мнению К. Григаса, является ядерный образ, связанный с метафорой. Поскольку все типы метафоризации основаны на ассоциативных связях человеческого опыта, метафора по своей природе антропометрична: она соизмеряет разные сущности, создавая новый «гештальт» из редуцированных прототипов, формируя на его основе новый гносеологический образ и синтезируя в нем признаки гетерогенных сущностей [Телия 1988, 4].

Концептуально-метафорическая гипотеза анализа природы связана с работами Р. Гиббса [Gibbs 1990], Дж. Лакоффа, М. Джонсона и др. (см., например, [Lakoff, Johnson 1980]) и сводится к тому, что образная мотивация идиом основывается не на конкретных визуальных представлениях, спровоцированных буквальным прочтением соответствующей идиомы, а на достаточно абстрактных способах интерпретации одних сущностей в

терминах других, то есть на метафорах. Согласно модели культурной интерпретации [Ковшова 2013, 147—150] носителем языка осуществляются в свернутом виде следующие операции: пробуждение в памяти исходных смыслов, относящихся к далекому прошлому культуры, припоминание знаний и представлений, которые связаны с ФЕ и нужны для более точного его употребления; соединение образа ФЕ, или его ассоциирование, с символами, эталонами, стереотипами, мифологемами.

Пословицы всегда содержат модус всеобщности, который часто выражается наличием кванторных единиц. Как показало исследование Е.Р. Иоанесян [Иоанесян 2020, 87—90], высказывания с кванторами *любой, всякий, какой-угодно* часто содержат имплицитную оценку и эксплицируют эталоны и стереотипы, существующие в языке. Мы будем определять пословицы как коммуникативные фразеологизмы, имеющие структуру предложения, текстовые характеристики и прагматические функции, ведущей из которых является дедуктивная, которая эксплицитно проявляется в дискурсе в форме косвенного речевого акта, чаще директивного [Абакумова 2013, 2015].

Значения нумерологических фразеологизмов основываются на семантических преобразованиях признаков, связанных с операцией счета. Числа могут иметь мифопоэтический символический смысл, который прослеживается в различных культурах и языках. Например, число 7 в христианской традиции символизирует совершенство и полноту, так как Бог создал мир за семь дней. В исламской традиции число 99 символизирует имена Аллаха, а число 40 — время, которое пророк Мухаммед провел в пустыне, прежде чем получить от Бога первые откровения.

Числовые символы также находят отражение в пословицах и поговорках разных культур и языков. Например, в русской культуре число *три* часто используется для обозначения полноты и завершенности какого-либо действия или процесса, как в пословице *Всякое дело три дня красно, три дня бело, а потом как пойдет*. В английской культуре число 13 считается несчастливым, что находит отражение в словосочетании *Friday the 13th* ‘пятница 13-е’.

Таким образом, числовые символы имеют важное значение в культуре и языке, и часто находят отражение в пословицах и поговорках. Однако, следует помнить, что значение и употребление числовых символов может различаться в разных культурах и языках, и для полного понимания пословиц и поговорок необходимо учитывать контекст и культурные особенности.

III. Некоторые результаты исследования

М.В. Цукановым был проведен сопоставительный анализ значения, происхождения пословиц и чисел в русской и английской лингвокультурах [Цуканов 2023]. Обобщая, можно выделить основные аспекты для сравнения: число *один, два* употребляются равнозначно как в русских, так и в английских пословицах и поговорках; число *one* часто заменяется неопределённым артиклем *a / an*; числа 3, 4, 5, 6 в русских и английских пословицах употребляются редко и часто имеют схожие значения; число *семь* в русских пословицах и поговорках встречается очень часто, однако в английских вместо числа *семь* присутствуют существительные со значением ‘много’, ‘последний’, а также число *nine* ‘девять’; особая роль числа *семь* у русских и числа *девять* у англичан даёт повод предполагать, что русские ближе по культуре и истории к Востоку, нежели к Западу, поскольку особенно чтили число *семь* на Древнем Востоке, а число *девять* любили римляне.

Один — One

В русских пословицах *один* употребляется не так часто, как в английских, и означает нечто неделимое, целое, важное, но в том числе и ничтожно малое: *Одной каплей не напьешься*. *Один в поле не воин*. *Один камень не стена*. В английских пословицах мы также встречаем *one* в значении ‘очень малое количество’, но ‘важность’, ‘индивидуальность’ остаются основными значениями: *One cloud is enough to eclipse all the sun*; *One drop of poison infects the whole tun of wine*; *A bird in the hand is worth two in the bush*; *Kill two birds with one stone; Always remember number one*. Вероятно, в этом проявляется индивидуализм английской (и американской) культуры.

Два — Two

В русской и английской лингвокультурах символизм числа *два* в пословицах различается. В русской культуре *два, двойка* имеют часто негативную коннотацию, связанную с отрицательной оценкой результатов в учебе и/или с двойственностью, которая воспринимается как негативная характеристика, двуличие, лицемерие, неискренность (*сидеть на двух стульях, слуга двух господ*). В англоязычной числовой культуре это число имеет скорее положительную оценку или указывает на колебания, на ситуацию выбора, выход из сложной ситуации. Число *два* означает выбор между двум вещами, раздвоенность: *Гоняться за двумя зайцами — ни одного не поймать*; *Это еще бабушка надвое сказала*. В английском языке число *два* означает сплоченность, схожесть, подобие двух предметов и более значительную ценность, единение, даже иногда любовь и взаимопонимание: *Two heads are better than one*; *Kill two birds with one stone*; *Two is a company, but three is none*; *One day of pleasure is worth two of sorrow*.

Три — Three

Это число в русских пословицах означает нечто отличное от двух других предметов, также может считаться как нечто совершенное: *Хорошему нужно учиться три года, а дурному и одного утра довольно*; желанное: *Обещанного три года ждут*; важное: *У бездельника три больших дела: есть, спать да умело ругаться*; лишнее: *Третий лишний.* Положительная культурная коннотация связана, прежде всего, с понятием Святой Троицы. В английских паремиях оно символизирует неопределенно большое количество и может иметь негативные коннотации: *The best fish smell when they are three days old. When three know it, all know it*; *Bad luck comes in threes*.

Четыре — Four

Данное число в русских и английских пословицах символизирует устойчивость, прочность и определенное количество предметов: *Старый человек стоит четырех молодых*; *Без четырех углов изба не рубится*; *Четверть лета три месяца*; *Four eyes see more than two*; *Like forty* (амер. ‘изо всех сил, решительно, стремительно’) [Кунин 1984].

Пять — Five

Значение данного числа в русской и английской лингвокультурах нельзя определить точно, но следует сказать, что число *пять* в русской культуре оценивается положительно, в английской *five* скорее указывает на эмоциональный спад, трудности. Оно может означать и большое, и малое количество предметов, но наиболее часто его употребляют как символ человека [Булыгина, Шмелев 1997]: *От пяти упавших в море собак вода не помутнеет*; *Бог пять пальцев, и то сотворил неодинаковыми*; *Вперед взглянешь один раз, оглянёшься — пять раз*; *Fifth wheel, odd man out*. В русской культуре *пять* — высшая оценка («отлично»). Ср. *сделать что-л на пятерку.*

Шесть — Six

Это число имеет довольно размытое значение и может употребляться в пословицах как символ целостности и одноименности и в русской, и в английской линвгокультуре, но в английской культуре число *six* имеет, скорее, положительный характер, (символ совершенства и гармонии, надёжности и связи с природой, она образует геометрическую симметрию) [Булыгина, Шмелев 1997]. В пословицах встречается очень редко: *Six of one and half a dozen of the other*. В русской же культуре число *шесть* имеет, скорее, негативную коннотацию (*Ты шестой у ворот постой*) и в том числе указывает на трудности (*Кругом идешь — три версты, прямо идешь — шесть верст*). Ср. также символизм числа *шесть* в религии: *три шестерки — число Зверя.*

Семь — Seven

В русских пословицах это число имеет довольно широкое значение, например, большое количество, счастье или даже магию: например, *Семь бед — один ответ*; *Семь раз отмерь —один отрежь*. В английских паремиях число *seven* символизирует порядок или полный период, а также мудрость и единство: *Keep a thing seven years and you will find a use for it* ‘в конце концов все пригодится’. Число 7 в западной культуре связано с фантазиями, пугающей неизвестностью, имеет скорее негативную коннотацию. В русской культуре оно символизирует счастье (ср. *быть на седьмом небе от счастья*).

Восемь — Eight

Это число используется довольно редко в пословицах обоих языков. В русской культуре может обозначать неопределенно большое количество (*Весна да осень — на дню погод восемь*), а также поспешные выводы: *Не сосчитав, не говори восемь*. В английской лингвокультуре это число символизирует принятие решений и завершенность определенного цикла: *Fall seven times, stand up eight.*

Девять — Nine

С точки зрения символики, у чисел *девять* и *семь* есть общие черты. Девять есть конец — предел цифровой серии до ее возвращения к единице. Возможно, по этой причине в ФЕ эти числа иногда взаимозаменяемы. Так, во ФЕ *on cloud seven (nine)*, означающей ‘бесконечно счастлив’, употребление того или иного числа, с точки зрения символики, вполне объяснимо, т.к. они символизируют максимум возможного, предел. Определенный интерес, с точки зрения символики *девяти*, представляют ФЕ *a cat has nine lives* (о живучести кошек), *a cat with nine lives* и *have nine lives like a cat* (о живучем человеке). Число 9 считается более счастливым. Возможна путаница с эквивалентами пословиц с данными числами русского и английского языков, ведь значение русской поговорки *быть на седьмом небе от счастья* идентично значению английской *be on cloud nine*. В русской культуре *девять* в пословицах употребляется редко и означает неопределенно большое количество: *Один стежок, сделанный вовремя, стоит девяти.*

IV. Лингвокультурологический сравнительно-сопоставительный анализ

Культурные слои русского и английского народа пересекаются. Отражение этого мы видим и в пословицах в том числе, поскольку они могут, как и сказки, отражать бродячие сюжеты культур. Многие пословицы схожи (*Two heads are better than one — Одна голова хорошо, а две лучше*; *When three know it, all know it — Что известно троим, известно всем*), но, входя в фразеологический фонд конкретного языка, они адаптируются в нем и начинают отражать взгляд на мир и символизмом того или иного числового кода, присущего той или иной лингвокультуре (*To be on cloud nine — Быть на седьмом небе от счастья*; *One cloud is enough to eclipse all the sun — Один в поле не воин*).

Многие пословицы и поговорки достаточно легко переводятся на русский язык; другие же нуждаются в пояснении, так как имеют русские аналоги с заменой образа: *A volunteer is worth twenty pressed men — лучше один человек, который сам вызвался что-то сделать, чем 20 тех, кого заставили*; *One drop of poison infects the whole tun of wine — одна капля яда способна отравить целую бочку вина.*

V. Система упражнений на проверку усвоения материала по теме «Числовой код культуры в английских и русских пословицах»

Тест: «Числовой код в пословицах»

1. Ответьте на следующие теоретические вопросы:

Что такое культурный код и чем он отличается от кода культуры?

Что такое нумерологическй код культуры?

Что такое нумерологические типы («ровные числа»)?

Какие системы счета вы знаете?

В каких единицах языка ярче всего проявляется символика чисел?

Чем пословица отличается от поговорки и фразеологизма?

2. Восстановите пропущенные лексические единицы

1. _____ поля ягода.

2. Один стежок, сделанный _____, стоит девяти.

3. Двум _____ не бывать, а одной не миновать.

4. Скрипучее _____ долго стоит, битая _____ два века живет.

5. Есть пять _____, а который ни укуси — все больно.

6. Семь дел в одни _____ не берут.

7. У семи нянек дитя без _____.

3. Выберите правильное числительное и восстановите базовую форму пословицы:

When _____ know it, all know it.

a) two b) four c) three

Two is _____, but three is none.

a) company b) all c) friends

I Know it as one knows his _____fingers.

a) five b) ten c) all

It is a silly _____ that is caught twice with the same bait.

a) thief b) fish c) butterfly

Kill two _____ with one stone.

a) birds b) hares c) rabbits

4. Проанализируйте значение и смысл английских пословиц, сопоставив их с русскими эквивалентами

Тема: Культурные ценности английской культуры в сопоставлении с ценностями русской культуры

Цель: идентифицировать систему ценностей британской культуры, на основе пословичного анализа, сравнить с ценностями родной культуры.

Длительность: 30—45 мин.

Количество участников: Не ограничено.

Необходимые материалы: Бумага, ручка, список пословиц.

Инструкция: Участников предлагается разделить на группы. Каждой группе предоставляется список пословиц, характерных для британской культуры. Предлагаемые пословицы обсуждаются участниками. При обсуждении необходимо попытаться найти числовые коды и, определить их значение в британской культуре и соотнести их со значениями в родной культуре.

Пословицы для анализа:

Always remember number one.

One's as good as none, one body is nobody.

Sleep with one eye open.

Once a man and twice a child.

Two dogs over one bone seldom agree.

No man can serve two masters.

Two wrongs don't make a right.

When three know it, all know it.

Four eyes see more than two.

Fifth wheel, odd man out.

To be on cloud nine.

Keep a thing seven years and you will find a use for it.

Вопросы для обсуждения:

1) Попробуйте объяснить значение каждой из пословиц, перечисленных выше. Понятно ли оно или необходимы дополнительные объяснения?

2) Попробуйте найти пословицу или поговорку на вашем родном языке, которая выражает ту же мысль и ценность, что и в английском языке. Если вы не смогли этого сделать, объясните почему.

Ожидаемые ответы: предполагается, что у студентов не возникнет трудностей с интерпретацией английских пословиц, поскольку основные понятия в них являются ключевыми в английской культуре. Возможно, у студентов могут быть проблемы с поиском аналогичных пословиц в родном языке из-за различия числового кода в эквивалентной пословице. Например, пословица *«To be on cloud nine»* (‘быть на седьмом небе от счастья’) не так проста для восприятия русскоговорящего человека, ведь в нашем языке используется другое число. Вероятно, в контексте английской культуры число девять считается более счастливым, нежели число семь.

Тема: Числовой код в английских и русских пословицах и идиомах

Цель: идентифицировать систему ценностей британской культуры, на основе анализа пословиц, сравнить с ценностями родной культуры.

Целевая аудитория: ученики средней школы (7—8-й классы).

Длительность: 30—45 мин.

Количество участников: Не ограничено.

Необходимые материалы: Бумага, ручка, раздаточный материал

Инструкция: Участникам предоставляется раздаточный материал с пословицами русской и английской культур. Необходимо выполнить задания самостоятельно, а затем обсудить, какие сходства и различия наблюдаются в двух лингвокультурах.

Task 1. Choose the correct meaning of proverbs

1. *When three know it, all know it*.

a) Когда знают трое, знают все; b) третий лишний; c) у бездельника три больших дела.

2. Two is company but three is none.

a) Где двое, там третий — лишний; b) Ум хорошо, а два лучше; c) Две головы лучше, чем одна.

3. *Know something as one knows his ten fingers.*

a) Знать как свои пять пальцев; b) Бог пять пальцев, и то сотворил не одинаковыми; c) Основательно.

4. *It is a silly thief, that is caught twice with the same bait*.

a) Глуп тот, кто дважды попадается на одну удочку; b) Гоняться за двумя зайцами — ни одного не поймать; c) Глуп тот вор, кто не попытался дважды.

5. *A picture is worth a thousand words*.

a) Сто слов дороже одной картинки; b) Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать; c) Дурак в колодец камень закинет — сто умных не вытащат.

6. *All bread is not baked in one oven.*

a) Весь хлеб испечен в одной духовке; b) На один гвоздь всего не вешают; c) Не следует всех стричь под одну гребенку.

Task 2. Match Russian equivalents to the following English phrases

One’s as good as none, one body is nobody.	Мужчина всю жизнь остается ребенком.

Sleep with one eye open.	Слуга двух господ.
Once a man and twice a child.	Один в поле не воин.
Two dogs over one bone seldom agree.	Злом зла не поправишь.
No man can serve two masters.	Быть на седьмом небе от счастья.
Two wrongs don't make a right.	Одним ухом спит, другим слышит.
When three know it, all know it.	В конце концов всё пригодится.
Four eyes see more than two.	Третий лишний.
Fifth wheel, odd man out.	Одна голова хорошо, две лучше.
To be on cloud nine.	Двум собакам одной кости не поделить.
Keep a thing seven years and you will find a use for it.	Если знают трое, то узнают все.

Task 3. Put the appropriate proverbial phrases in the sentences given below.

— on cloud nine — sleep with one eye open — once a man and twice a child — two wrongs don't make a right — when three know it, all know it — fifth wheel, odd man out — four eyes see more than two

Jack should be careful. Someone is chasing him. He has to _____ !

“It’s a secret! Only you and me know it. Don’t tell anybody about it! _____ .

Yes, Sam has done a really bad thing, but don’t be so revengeful _____ .

It’s going to be a cool party. I don’t think that we should invite this strange guy. He is _____

This project is very difficult. I have to take anyone to help me _____.

He is 43 and he dreams about this toy car! — _____.

The newlyweds are really happy. They are _____.

VI. Заключение

Пословицы по своему происхождению затрагивают огромный пласт традиций и культуры той или иной страны. В них скрыты самые объективные и тонкие аспекты, свя-

занные с менталитетом и характером народа, их отношение к жизни, и наоборот — стереотипы, которые на данный момент не считаются правдивыми.

Фразеологические единицы действительно могут быть более точными и выразительными, чем свободные словосочетания или лексические значения слов. Фразеологические единицы, такие как пословицы, поговорки, идиомы и т.д., имеют богатую смысловую структуру, которая позволяет выражать сложные идеи и концепции в более лаконичной и точной форме. Они также представляют собой уникальные инструменты для количественной оценки предметов и явлений в различных речевых ситуациях, что делает их незаменимыми в языковой практике.

Источники

Даль В.И. Пословицы русского народа. СПб: Авалон, Азбука — классика, 2007.

Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: Refl-book, 1994.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2 е изд., М.: Большая рос. энцикл., 2002.

Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 1996.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011.

Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., М.: Русский язык, 1981—1984.

Ammer Christine. The American heritage dictionary of idioms. Boston: American Heritage, 1997.

Elsevier’s Dictionary of Symbols and Imagery, 2nd ed. Amsterdam [etc.]: Elsevier, 2004.

Oxford Dictionary of Phrasal Verbs by A. P. Cowie, 1993.

The Kenkyusha Dictionary of English Quotations / Edited by Sanki Ichikawa. Tokyo, 1968.

The Penguin Dictionary of Proverbs / *Editors R.* Fergusson, J. Law. London: Market House Books Ltd, 2000.

Литература

Абакумова О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: Автореферат дисс. … докт. филол. наук. Орел. 2013.

Абакумова О.Б. Пословица в паремическом дискурсе субъекта // Паремиология в дискурсе: общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира. Под ред. О.В. Ломакиной. М.: ЛЕНАНД, 2015. С.67—84.

Арутюнова Н.Д. Проблема числа //Логический анализ языка: квантификативный аспект языка. ИЯ РАН. М.: Индрик, 2005.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. М.: Флинта, Наука, 2013.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.

Григас К. Литовские пословицы: Сравнительное исследование. Вильнюс: Вага, 1987.

Иоанесян Е.Р. Об одном классе высказываний с эталонами и стереотипами // Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методы исследования. Материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике. Когнитивные исследования языка. Вып.2(41), 2020. С. 87—91.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Либроком, 2013.

Красных В.В. Грамматика и словарь лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Изд. Феникс, 1986.

Кууси М. К вопросу о международной системе пословичных типов (опыт классификации количественных пословиц) // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 26—52.

Телия В.Н. Предисловие. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М: АСТ-Пресс, 2006.

Цуканов М.В. Коды культуры и преподавание фразеологии в школе (на материале числового кода культуры и его репрезентации в английской и русской лингвокультурах). Диссератация магистра. Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2023.

Gibbs R.W. Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomaticity // Cognitive linguistics.1 — 4. 1990. Pp.417—451.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980.

Numerical code of culture and its use in teaching foreign languages and cross-cultural communication

(based on the data from English and Russian languages and linguocultures)

O.B. Abakumova, M.V. Tsukanov

(Orel State University named after I.S. Turgenev)

The paper deals with comparative analysis of English and Russian phraseological units containing numerical components in their structure. Universal and nation-specific features of proverbs and sayings with numerical components are under study representing numerical code of linguistic culture.

Keywords: numerical code of culture, phraseology and paremiology, comparative analysis, methods of teaching foreign languages and cultures.

DOI: 10.37892/2218-1393-2023-18-1-25-49

О некоторых особенностях употребления конструкций с семантикой сожаления в романских языках

А.А. Ануфриев (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье рассматриваются базовые пропозициональные конструкции, описывающие сожаление (*жаль, что, сожалею, что*) в испанском, португальском и итальянском языках. Внимание фокусируется как на семантике исследуемых конструкций, так и на их функционировании в качестве средств выражения пропозициональной установки. Представлен анализ наклонения в подчинённой пропозиции для грамматического оформления субъективной оценки.

Ключевые слова

Испанский язык, итальянский язык, португальский язык, предикаты внутреннего состояния, эпистемическая оценка, эмоциональная оценка, пропозициональная установка, наклонение, индикатив, конъюнктив.

По выражению известного романиста Е.М. Вольф, «Проблема соотношения эмоционального аспекта с рациональным, связь эмоции с мыслью, пониманием, рассуждением является одной из основных спорных проблем в изучении эмоциональных состояний» [Вольф 2002, 214]. В полной мере с данной проблемой лингвисты сталкиваются при исследовании оценочной предикативной лексики. Предикаты, описывающие сожаление обычно рассматриваются как предикаты внутреннего состояния[1]. Наряду с другими аксиологическими оценочными предикатами они могут выступать в роли модального оператора в конструкциях с пропозициональным дополнением (*сожалею/жаль, что*). В данном типе конструкций проявляется синкретизм пропозициональных глаголов, сочетание

[1] Употребляя данный термин, мы ориентируемся на работы А.А. Зализняк [Зализняк 2006].

понятийного и эмоционального значений, когда собственно эмоциональная оценка ситуации (аксиологическая семантика) тесно переплетается с опосредованной интеллектуальная оценкой (эпистемическая семантика). При этом семантика модусного предиката нередко задаётся непосредственно контекстом употребления и зависит от множества прагматических факторов (степень вовлечённости говорящего в ситуацию, возможность субъекта оценки влиять на ход событий и т.д.). Ниже, прежде чем перейти к особенностям употребления предикатов сожаления в различных типах пропозициональных конструкций в конкретных романских языках, мы кратко рассмотрим семантику сожаления в целом.

В работе А.А. Зализняк в общих чертах описывается ситуация, в которой возникает сожаление: «некоторое положение дел, не существующее в действительном мире, но которое могло бы в нём существовать, представляется человеку как лучшее по сравнению с тем, которое существует» [Зализняк 2006, 97]. Под это описание подпадают значения, связанные с определённым внутренним состоянием, которое может проецироваться в языке как широкий диапазон смыслов — от чистого эмоционального переживания до мнения [Там же, 95]. В случае, когда сожаление выражается оценочными предикатами модуса в конструкциях с пропозициональным дополнением, эмоциональная оценка всегда совмещена с рациональной: субъект оценки утверждает, что некоторое положение вещей не устраивает его. Независимо от того, где скрывается причина сложившейся ситуации (в далёком прошлом или в настоящем), он оценивает её как плохую на данный момент времени, подразумевая альтернативу, которая, как правило, уже не может осуществиться. Таким образом, отрицательная оценка факта, включающая собственно эмоцию и мнение в различных пропорциях, рассматривается как ассертивный компонент значения предиката, в то время как в качестве основных презумптивных компонентов выделяются фактивность, а также контролируемость/неконтролируемость со стороны субъекта сожаления [Там же, 569—570].

Конструкции с пропозициональным дополнением, выражающие сожаление, можно разделить на несколько типов. К основным относят неконтролируемое и контролируемое сожаление, выраженное базовым глаголом. В первом случае (*Он сожалел, что я не выиграл соревнование*) положение дел, описываемое в придаточной части конструкции, либо неконтролируемо субъектом оценки, либо никак не зависит от него. Во втором (*До сих пор жалею, что не развёлся в прошлом году*) субъект способен, но не может/не смог повлиять на ход событий. При этом, как правило, субъект оценки совпадает с субъектом действия, а сожаление часто характеризуется высоким градусом переживания и может сопровождаться раскаянием.

Далее можно выделить особняком стоящую широкоупотребительную в индоевропейских языках предикативную конструкцию типа *жалко/жаль, что…* (*Жаль, что ты не куришь*). В отличие от предыдущего типа, такие конструкции не содержат идеи ошибочности принятого ранее решения. Субъект сожаления признаёт положительные стороны альтернативного выбора, но при этом не утверждает, что данный выбор привёл бы к ситуации более благоприятной, чем наличествующая в данный момент. По сравнению с вышеописанными случаями в данном типе конструкций эмоциональная составляющая выражена значительно слабее. При этом, в отличие от предикатов типа *сожалеть* в данном типе конструкций говорящий всегда выражает собственную оценку действительности, не передавая сожаления другого.

Наконец, отдельно можно выделить перформативное употребление типа *я сожалею/мне очень жаль, что* (*Сожалею, что не смогу присутствовать на заседании*), где глагол стоит в форме 1-ого лица настоящего времени или употребляется предикатив с местоимением, указывающим на первое лицо. В данном случае важна не столько эмоциональная оценка говорящего, сколько сообщение факта сожаления адресату с определённой целью (вежливый отказ, поддержка, просто формула вежливости) [Там же, 109].

В данной работе мы обращаемся к анализу функционирования пропозициональных конструкций со значением сожаления в испанском, португальском и итальянском

языках. На наш взгляд, есть основания для сопоставления предикатов сожаления данных языков, в основном образованных от одного латинского этимона и обладающих сопоставимой семантикой. В первую очередь, на наш взгляд, представляют интерес конструкции типа *жаль, что*:

Es una lástima *que* ***tengas*** *que marcharte ya./* ***Lástima*** *que el techo no le* ***chafó*** *los cuernos*[2]. 'Жаль, что тебе нужно уходить. /Жаль, что крыша ему рога не раздавила'.

É uma pena que *a arte e a política* ***se misturem.*** 'Жаль, что в искусство вмешивается политика'.

Peccato che sia una canaglia. **'Жаль, что ты такая каналья'.**

Если основные глаголы сожаления в вышеописанных языках это родственные глаголы, произошедшие от латинских *sentire* и *lamentare*, то наиболее характерные частотные предикаты для описания *жаль, что* в испанском, португальском и итальянском различаются. Отметим, что базовые предикаты сожаления в романских языках в той или иной степени являются предметом описания в дескриптивных исследованиях последних лет (см. например [Bronzi 1977; Angeles Sastre 1997; Nueva gramática… 2011]), в то время как упоминания конструкций типа *жаль, что* единичны.

Испанские и португальский языки, прежде всего, выдвигают предикативы со словами *lástima* и *pena* соответственно (примеры 1—2)[3]. При том, что данные конструкции описывают в первую очередь чувства боли и огорчения, т.е. достаточно явно выраженных эмоций, они могут выражать и простое недовольство. Как правило, эмоциональная оценка фокусируется на действиях самого говорящего, но может касаться и окружающих,

[2] Приведённые здесь и далее примеры, если другой источник не указан, взяты из корпуса современного испанского языка CREA, современного португальского языка AC/DC и современного итальянского языка CORIS. В статье данные примеры даны в том же виде, что и в корпусах. Перевод выполнен нами.

[3] Отметим, что для испанского языка конструкция со словом *lástima* является основной, хотя существует и менее употребительная конструкция с *pena*, в португальском языке ровно наоборот.

включать сострадание (см. пример 1)[4]. В итальянском языке сходная семантика реализуется конструкцией *peccato che* (пример 3).

Отметим, что с помощью вышеупомянутых конструкций выражается определённый спектр внутренних состояний от боли, страдания, чувства вины до не нагруженного сильной эмоцией недовольства. При этом внутренняя форма (порт. *pena* ‘боль’, ит. *peccato* ‘грех’) чаще всего не осознаётся носителями, что делает выражения в современных языках конвенциональной формулой для выражения именно лёгкого недовольства.

Как уже говорилось выше, семантика оценочных предикатов определяется контекстом: тот или иной смысл в пределах семантического спектра задаётся прагматическими факторами. Одним из средств выражения и уточнения семантики сожаления в пропозициональных конструкциях наряду с выбором лексемы может служить употребление наклонения как грамматического средства выражения субъективной оценки.

Как известно, для романских языков в целом и испанского языка в частности проблема употребления пропозициональных глаголов связана с особенностями употребления формы индикатива или конъюнктива зависимого глагола в зависимой части конструкции.

В этом смысле рассматриваемые языки объединяют похожие процессы в развитии системы наклонений и состояние современной грамматической системы. Кроме того, современное состояние обоих языков характеризуют общие тенденции, связанные с ростом употребления различных типов конструкций ненормативного наклонения. Грамматическое «противопоставление по признакам реальность/нереальность, достоверность/недостоверность» считается общим для романских языков [Грамматика и семантика 1978, 165], хотя оппозиция индикатив/косвенное наклонение в каждом языке обладает своими особенностями. Выбор наклонения может, с одной стороны, чётко задаваться семантикой пропозициональной установки. Например, глаголы знания всегда употребля-

[4] Хотя в целом данные конструкции чуть больше нагружены эмоцией, чем русское выражение *жаль, что* [Зализняк 2006, 96], в определённых контекстах они могут с ним семантически сближаться.

ются с индикативом, глаголы сомнения — с конъюнктивом[5]. С другой стороны, выбор может определяться прагматическими целями говорящего. В последнем случае мы наблюдаем так называемую вариативность наклонений, случаи нетипичного, неустоявшегося употребления. Употребление того или иного наклонения в таких случаях может корректировать семантику оценочного глагола, выводя на первый план одни оттенки значения и ослабляя другие. Проблематика, связанная с подобной вариативностью, исследовалась романистами начиная со второй половины прошлого века и всё чаще исследуется в дескриптивных работах последних десятилетий [Алисова 1971; Bronzi 1977; Porto Dapena 1991; Dardano, Trifone 1995; Angeles Sastre 1997].

Если у испанского и португальского языков и норма, и узус употребления наклонений в целом совпадают, то в итальянском языке функционирование определённых семантических групп оценочных предикатов с точки зрения употребления с индикативом или конъюнктивом несколько отличается. При этом, что касается употребления предикатов эмоциональной оценки, во всех трёх языках картина приблизительно одинакова. Норма предписывает употребление косвенного наклонения [Esbozo 1997; Никонов 1981; Rosental 1949], в то время как в узусе (прежде всего, разговорном) наблюдается вариативность.

Если брать иберо-романские исследования последних лет, то из предикатов сожаления в дескриптивных исследованиях, посвящённых употреблению наклонений, более или менее часто упоминается только *sentir*[6]. С точки зрения употребления наклонений как испанский и португальский глагол *lamentar*, так и конструкции *lástima/pena que* ведут себя совершенно по-другому[7]. Если исходить из положений прескриптивной грамматики, они должны, как и большая часть аксиологических предикатов, употребляться с конъ-

[5] Далее для удобства испанский субхунтив (subjuntivo), португальский и итальянский конъюнктив (conjuntivo/congiuntivo) в качестве оппозиции индикативу мы будем именовать общим термином конъюнктив.

[6] В зависимости от значения ему предписывается употребление с индикативом (при выражении эпистемической оценки: *чувствую, что…*) или конъюнктивом (при выражении непосредственно сожаление) [Angeles Sastre 1997, 101]. Большинство исследователей сходятся на том, что употребление конъюнктива в зависимой части как раз является маркером проявления семантики сожаления.

[7] Подробнее о функционировании испанских предикатов сожаления см. [Ануфриев 2015].

юнктивом. Тем не менее, исследование узуса показывает, что с этими лексемами могут употребляться оба наклонения.

До недавнего времени даже дескриптивные исследования не упоминали о возможности вариативности наклонения в подчинённой пропозиции, управляемой чистыми предикатами сожаления. Только в Дескриптивной грамматике [Gramática 2000, 3232] и Новой грамматике [Gramática 2009, 1895—1896] появляются соответствующие разделы, где говорится в основном об употреблении прономинального варианта глагола *lamenter — lamentarse*, с которым иногда может употребляться индикатив. При этом речь идёт о конструкциях в третьем лице (*se lamenta que*), где говорящий не совпадает с субъектом оценки.

В Дескриптивной грамматике нетипичное употребление индикатива (*Se lamenta de que no le* ***hacen*** *caso*) связывается с заострением внимание на диктальной пропозиции и акцентом говорящего на причинно-следственных связях: субъект оценки выражает сожаление, так как имеет место ситуация, описываемая в диктуме конструкции. В то же время типичное употребление конъюнктива связывается с акцентом на модусе высказывания, т.е. на собственно выражении сожаления [Gramática 2000, 3232]. О сходных мотивах употребления индикатива (знание о ситуации провоцирует выражение эмоции) говорится и в работе М. Анхелес Састре [Angeles Sastre 1997, 70—72].

В Новой грамматике также говорится об акценте либо на информации, либо на эмоции, что влечёт употребление индикатива или конъюнктива соответственно. При этом приводится следующая гипотеза: при несовпадении говорящего и субъекта сожаления индикатив говорит об уверенности субъекта в истинности того, на что он жалуется, в то время как для говорящего эта истинность вовсе не очевидна. Отметим, что о таком нетипичном употреблении говорится, прежде всего, в отношении латиноамериканских вариантов испанского языка [Gramática 2009, 1895—1896].

Наконец, Ф. Матте Бон, говоря об употребления наклонений после предикатов сожаления, делает акцент на употреблении конъюнктива как показателе известной гово-

рящему и собеседнику информации. В случае же, если информация для собеседника оказывается новой или говорящий хочет напомнить собеседнику о чём-то, параллельно выражая сожаление, употребляется нетипичный индикатив [Matte Bon 2001, 279—280].

Из работ, где рассматривается употребление наклонения после предикативов типа *жаль, что* можно выделить лишь работу М. Мольо. Он пишет о естественном употреблении конъюнктива как наклонения оценки уже известного факта, но приводит один пример с синонимичной конструкцией *lástima que* из книги Г. Кабрера Инфанте «Tres tristes tigres» с употреблением индикатива (*Es una* ***lástima*** *que* ***no viene*** *con nosotros*). Употребление индикатива объясняется языковой игрой в художественном тексте. В данном случае подчёркивается трагичность, непоправимость ситуации на всех временных уровнях, «упрямство факта» [Molho1975, 430—431].

В целом, современные работы итальянистов по интересующей нас проблематике в большей степени, чем исследования иберо-романистов, ориентированы в сторону лингвистической прагматики, что вызвано как ориентацией на разговорный язык, так и специфическими особенностями развития языка в современной социолингвистической ситуацией. В своей работе Е.Ломбарди Валлаури, рассуждая о жизнеспособности конъюнктива в языке вообще и в разговорной речи в частности, также говорит в первую очередь о важности прагматических факторов (цели говорящего, тематика и тип текста) при исследовании количества употреблений индикатива и конъюнктива в конкретных типах контекстов [Lombardi Vallauri 2003, 1][8].

Что касается интересующих нас конструкций, уже в работах второй половины XX в. [Алисова 1971; Bronzi 1977; Rohlfs 1968] говорится о «свободном чередовании индикатива и конъюнктива» у предикатов эмоциональной оценки [Алисова 1971, 182], причём у Г. Рольфса приведён пример именно с предикативом *pecchato che* (*Peccato che siete venuti cosí tardi*) [Rohlfs 1968, 70]. Хотя все авторы подчеркивают предпочтение индикатива конъюнктиву именно в разговорной речи, отмечается действие и прагматического

[8] Подробнее о проблеме употребления индикатива и конъюнктива в современном итальянском языке см. [Ануфриев 2022].

фактора: если говорящий акцентирует внимание не на собственном эмоциональном состоянии, а на самом факте, описанном в диктуме конструкции, часто употребляется индикатив [Там же].

О сходных вещах говорит А.М. Бронзи, которая рассматривает употребление индикатива после эмотивных глаголов как частный случай глобального процесса «экспансии индикатива в зоне ответственности конъюнктива и кондиционала», причисляя их к большой группе фактивных глаголов (наряду с глаголами знания). Употребление с индикативом сближает их с ассертивными предикатами речи verba dicendi[9]. Подобное употребление говорит о том, что говорящий специально фокусирует внимание и на модусе, и отдельно на информации, выраженной в диктуме конструкции, тогда как употребление конъюнктива подчёркивает акцент только на модусе (ассертивный статус диктума низводится до упоминания известной собеседнику информации) [Bronzi 1977, 427, 440—441].

С одной стороны, при возможности свободного варьирования наклонений письменный язык предпочитает конъюнктив, с другой подчёркивается, что семантического подхода недостаточно для полноценного анализа ненормативных употреблений [Там же, 429—430, 432].

Таким образом, по описанию романистов, ситуация в итальянском языке несколько отличается от иберо-романских реалий. С одной стороны, употребление конъюнктива описывается романистами как более типичное, а употребление индикатива часто мотивируется сходным образом (говорящий фокусирует внимание собеседника на сообщаемом в диктуме, на информации, а не на эмоции). С другой, в испанском и португальском языках употребления индикатива допускается, но всё же описывается как относительно редкое явление, в то время как некоторые итальянисты говорят о свободном варьировании и даже доминировании индикатива в разговорном дискурсе.

[9] Для глаголов типа *lamentare*, употребляющихся в модусе пропозициональных конструкций, как правило, не в первом лице, это действительно характерно. Они описывает не столько акт сожаления, сколько жалобу.

Далее мы рассмотрим контексты с предикатами сожаления, которые дают базы данных, и попытаемся выявить статистику употребления наклонений, а также факторы, влияющие на выбор наклонения (нормативного конъюнктива или нетипичного индикатива) говорящим, где это представляется возможным. При этом мы решили ограничиться основными и, на наш взгляд, наиболее репрезентативными корпусами современного употребления [CREA; AC/DC (Linguateca); CORIS], содержащими как письменный, так и разговорный узус испанского, португальского и итальянского языков.

Прежде чем рассмотреть употребление романских предикативов *жаль,что,* коснёмся менее употребительных (за исключением португальского *lamentar*) конструкций с романскими глаголами, произошедшими от лат. *lamentare*[10]. Принципиальным отличием данных конструкций является наличие противопоставления контекстов 1-го лица (*lamento que/che*) и контекстов несовпадения говорящего и субъекта сожаления (*lamenta que/che*).

Начнём с испанского глагола *lamentar(se).* Анализ корпусных контекстов выявил, что для разных грамматических форм глагола в той или иной степени характерно употребление индикатива в подчинённой клаузе. В основном это единичные употребления, в том числе принадлежащие к разговорной речи в латиноамериканских вариантах испанского языка.

При совпадении говорящего и субъекта оценки найдено всего 5 примеров с употреблением индикатива приблизительно на 200 контекстов:

4. *¡Sólo* ***lamento*** *que pronto* ***serás*** *el recuerdo de un hermoso espejismo!* ‘Я только жалею, что скоро ты станешь всего лишь воспоминанием о прекрасном мираже!’

5. ***Lamento*** *que me* ***quitó*** *la ilusión.* ‘Жаль, что он лишил меня иллюзии’.

Te ***llevaré*** *a pasear por la ciudad y, si hace falta, te* ***lavaré*** *con propiedad.* ***Lamento*** *que no* ***podré*** *darte una revolcada porque no estaré viviendo en una posada.* ‘Я поведу тебя погу-

[10] Мы будем рассматривать вместе как прономинальные (исп., порт. *lamentarse*, ит. *lamentar*si), так и непрономинальные (*lamentar/lamentare*) глаголы, так как в узусе наличие возвратного местоимения не влияет ни на семантику предиката, ни на употребление наклонений.

лять по городу и, если нужно, как следует вымою. Сожалею, что не смогу дать тебе поваляться, потому что не буду жить в гостинице’.

Lamentamos *que este tipo de personas* ***se hallan*** *acostumbrado únicamente al uso de armas, considerando que fácilmente pueden cometer cualquier delito.* ‘Весьма сожалеем, что такие люди привыкли только к оружию, понятно, что они запросто могут совершить любое преступление’.

Прямое выражение сожаления непосредственно связано с эмоциональным состоянием говорящего. Поэтому редкое употребление индикатива как наклонения реальности, очевидности, на наш взгляд, может быть вызвано желанием подчеркнуть непреложность, неустранимость фактов, невозможность повлиять на ход событий (примеры 4—5). В примере 6 из мексиканской драматургии, возможно, имеет место стилистический приём, при котором индикатив употребляется по аналогии с предыдущими и последующей глагольными формами будущего времени как элемент ряда. Пример 7 представляет собой скорее переносное употребление предиката сожаления в значении порицания: здесь важна не столько эмоция говорящего, скрывающаяся за обобщённо-личным «мы», а акцент на содержании высказывания, которое оценивается. При этом индикатив заранее подчёркивает истинность пропозиции, превращая спорное оценочное высказывание в презумпцию.

При несовпадении говорящего и субъекта оценки мы уже имеем дело с отстранённым взглядом на чужую оценку, т.е. с двойной оценкой. Как правило, говорящий преподносит сожаление субъекта как вербально выраженное, как цитату. Эмоциональная составляющая в этом случае часто сводится к нулю, а акцент чаще всего делается на информации: говорящему важно сообщить сам факт высказывания недовольства по поводу той или иной ситуации. Примеров с индикативом в таких контекстах чуть больше (11 употреблений примерно на сотню контекстов). В основном это примеры из латиноамериканской прессы:

Ellos ***lamentan*** *que ahora seguramente les* ***multarán*** *por no registrar el nacimiento.* ‘Они боятся, что теперь их обязательно оштрафуют за то, что они вовремя не зарегистрировали ребёнка’.

Los puritanos ideólogos de la Revolución ***lamentan*** *que el espíritu de lucro, rezago del capitalismo,* ***puede*** *todavía mover a alguien.* ‘Пуританские идеологи Революции сокрушаются, что дух наживы, пережиток капитализма, еще может кем-то двигать’.

Solana contestaba a unas palabras de Francisco Pérez González, quien en su ***discurso había lamentado*** *que los cambios en los organigramas de la Administración* ***frustraban*** *a veces.* ‘Солана отвечал на несколько слов Франсиско Переса Гонсалеса, который в своей речи посетовал на то, что изменения в организационной структуре администрации иногда вызывают разочарование’.

Después de un gran disputa Libeskind ***lamentaba*** *que el diseño final de la Torre de la Libertad* ***no se parecía*** *en nada al concepto original.* ‘После большой дискуссии Либескинд посетовал, что окончательный проект Башни Свободы не имеет ничего общего с первоначальной концепцией’.

В данных примерах глагол *lamentar* фактически сближается с verba dicendi[11] (это наиболее очевидно в примерах 10 и 11, где «сожаление» является окрашенной недовольством репликой в дискуссии), выводя на первый план информативное содержание в ущерб оценке, или с предикатами опасения типа *temer* в случае обращения к будущему (примеры 8 и 9). В последнем случае примеры, по сути, представляют собой именно предположения о будущем. Употребление индикатива во всех этих случаях представляется более чем логичным.

Что касается португальского глагола *lamentar*, то исходя из данных корпуса, он значительно более употребителен в роли пропозициональной установки, чем испанский. Форма *lamento* (выявлено около 700 контекстов) даёт 21 контекст с индикативом. Хотя примеры в большей степени выражают недовольство и сближаются по семантике с кон-

[11] В связи с этим переводить глагол на русский язык эмотивным глаголом не представляется возможным.

струкцией *é* ***uma pena que***, в целом наблюдается сходная картина с испанским языком. Большинство примеров представляют собой латиноамериканский ареал (бразильский вариант португальского языка) и относятся к разговорному дискурсу или взяты из прессы:

Lamento que *as partidas com o Palmeiras* ***foram*** *decididas pela arbitragem*. ‘Я сожалею, что результаты матчей с «Палмейрасом» были предопределены судейством’.

Lamento que *essa mãe ficará desamparada e seus filhos* ***não retornarão*** *ao Brasil*. ‘Жаль, что мать в итоге бросят, а ее дети не вернутся в Бразилию’.

Só ***lamento que*** *muitas vezes a deselegância nem mesmo* ***é*** *discreta*. ‘Я сожалею только о том, что часто неэлегантность ещё и несдержанна’.

Só ***lamento que*** *nós ainda não* ***conseguimos*** *convencer o velho Briza a entrar n'ta briga*. ‘Мне просто жаль, что мы все еще не можем убедить старую Бризу вступить в драку’.

Примеры 12 и 13 выражают сожаление, но говорящий фокусирует внимание не столько на эмоции, сколько на ситуации. В примерах 14 и 15 представлен типичный для контекстов с индикативом (7 из 21) модус *só lamento que* ‘жаль только, что’: говорящий явно сообщает собеседнику нечто новое в рамках реплики в дискуссии, используя индикатив как наклонение новой, актуальной информации.

При несовпадении говорящего и субъекта оценки также наблюдается сходная с испанским языком ситуация: глагол сожаления сближается по смыслу с глаголами речи и употребление индикатива дублирует информативную семантику конструкции:

Lamenta que bebeu *16 cervejas em «Too Drunk to Fuck»*. ‘Он сожалеет, что выпил 16 бутылок пива в «Too Drunk to Fuck»’.

Telêmaco ***lamenta que*** *as virtudes do pai não lhe* ***foram*** **(индикатив)** *suficientes para livrar a este da morte. / Laertes* ***lamenta que*** *seu filho não mais* ***viva*** **(конъюнктив)** *para cumular o hóspede com presentes de mesmo valor.* ‘Телемах сожалеет, что добродетелей отца не хватило, чтобы избавить его от смерти. / Лаэрт сожалеет, что его сын больше не живет и не осыпает гостя подарками равной ценности’.

Интересно отметить пример 17, где два контекста с употреблением индикатива и конъюнктива взяты из одного художественного текста. В данном случае сложно мотивировать употребление наклонений, и имеет смысл говорить о художественном замысле автора или о нейтрализации оппозиции индикатив/конъюнктив.

Наконец, в итальянском языке ситуация кардинально отличается от иберороманских. Глагол *lamentarsi* употребляется значительно реже, причём корпус даёт только контексты несовпадения говорящего и субъекта оценки (всего около 300 примеров). По сути, данная лексема описывает не сожаление и не его констатацию, а акт жалобы, действие[12]. Вероятно, семантика предиката определяет и тенденцию употребления наклонений в диктуме конструкции, поскольку в отличие от испанского и португальского языков контексты с индикативом здесь преобладают (около 60 % контекстов), т.е. являются более типичными, чем конъюнктив:

Si lamenta *che non* ***utilizza*** *i sei miliardi dei fondi europei giá disponibili.* ‘Он жалуется, что не использует уже имеющиеся шесть миллиардов европейских средств’.

*Alcuni l****amentano*** *che i turisti* ***hanno*** *solo una conoscenza superficiale della cultura del paese che visitano.* ‘Некоторые жалуются, что туристы имеют лишь поверхностное представление о культуре страны, которую посещают’.

Неудивительно, что доступные примеры взяты практически исключительно из прессы либо из узкоспециальных текстов юридической тематики.

Таким образом, при совпадении говорящего и субъекта оценки в испанском и португальском языках употребление индикатива, являясь скорее исключением, выполняет схожую функцию, т.е. заостряет внимание на самой ситуации. При несовпадении говорящего и субъекта во всех трёх рассматриваемых языках употребление индикатива более распространено, что логично, учитывая сдвиг в семантике предиката модуса: рассмотренные родственные глаголы сближаются с глаголами речи. При этом в итальянском гла-

[12] В отличие от испанского и португальского в итальянском языке собственно сожаление помимо предикатива *peccato che* выражается более употребительными глаголами *dispiacere, rammaricarsi*.

гол практически всегда описывает не внутреннее состояние, а действие, и индикатив в диктуме пропозициональной конструкции становится доминирующим.

Теперь перейдём к интересующей нас широкоупотребительной в романских языках предикативной конструкции со значением ‘жаль, что’. Корпуса дают разное количество контекстов в испанском, португальском и итальянском языках, однако статистика (см. таблицу 1) позволяет говорить о схожих тенденциях, когда индикатив, хотя и является менее типичным, употребляется достаточно часто во всех трёх языках. Далее подробнее разберём употребление конструкции в каждом из них.

Таблица 1

	Lastima que	E uma pena que	Peccato che
Общее количество контекстов	890	<500	1386
Ненормативный индикатив	126	46	166

Как уже было сказано, в испанском языке при употреблении конструкций *(es una) pena*/*lástima que* наблюдается вариативность наклонений. Данные конструкции являются более разговорными в отличие от *lamentar que*, и чаще встречаются в устной речи и художественной литературе. Если *es una pena que* даёт всего 2 примера употребления индикатива приблизительно на 200 контекстов, то в контекстах с *lástima* зафиксировано действительно большое количество употреблений индикатива. За редким исключением это разговорная речь южноамериканских вариантов (в особенности аргентинского, где примеры обычно представляют собой интервью из спортивной прессы, запись разговоров информантов или художественную литературу). Из 890 контекстов 126 дают употребление индикатива, при этом на 78 исключений из художественной и автобиографической

литературы приходится всего 9 примеров пиренейского варианта, на 34 исключения из прессы — 7, на 14 исключений среди записей информантов — 3.

Lástima *que* ***hay que explicar*** *no quién paga la obra, sino por qué las catedrales se construyen en estilo gótico y no bizantino.* ‘Жаль, что приходится объяснять, не кто оплачивает работы, а почему соборы построены в готическом, а не византийском стиле’.

Lástima *que* ***no sé cantar****.* ‘Жаль, что я не умею петь’.

Lástima *que* ***no vino*** *Duhalde para que la fiesta fuera completa*. ‘Жаль, что Дуальде не пришел, тогда бы вечеринка полностью удалась’.

Lástima *que el clima* ***no se puede*** *manejar*. ‘Жаль, что погодой нельзя управлять’.

Lástima *que* ***terminó*** *así aquel capítulo*. ‘Жаль, что эта глава так закончилась’.

Lástima *que yo* ***no me puedo*** **(индикатив)** *hacer el plato viéndote. / A vos te queda tan lindo,* ***lástima*** *que* ***no*** *te* ***lo pueda*** **(конъюнктив)** *ver*. ‘Жаль, что я не могу готовить, наблюдая за тобой. / Ты всё ещё так красив, жаль, что я не могу этого увидеть’.

Lástima *que no* ***estuviera*** **(конъюнктив)** *entre nosotros el Che.* ***Lástima*** *que no* ***estuviera*** **(конъюнктив)** *entre nosotros Camilo. O* ***lástima*** *que* ***no están*** **(индикатив)** *con nosotros, por lo menos físicamente; espiritualmente sí están con nosotros.* ‘Жаль, что среди нас нет Че. Жаль, что Камило нет среди нас. Жаль, что они не с нами, по крайней мере, физически; ведь духовно они с нами’.

В данных примерах с нетипичным индикативом, на наш взгляд, семантика сожаления-эмоции хотя и имеет место, но отходит на второй план (это не столь характерно для примера 24, где внимание в большей мере фокусируется на сожалении). Сильная эмоция уступает место недовольству/досаде. Модальная рамка/модус высказывания в большей степени становится вводным элементом (ср. пример 1), и эта роль снижает аксиологический градус высказывания, перекрывая оценочную семантику предиката сожаления. Именно с помощью индикатива говорящий подчёркивает неизбежность реальности факта: его наличие утверждается с той же силой, что и собственное недовольство.

Особый интерес представляют случаи, когда несколько контекстов взяты из одного текста. При этом возможны разные варианты. Так, пример 24 представляет собой один из четырёх контекстов, найденных в автобиографической книге Диего Марадоны. В данном случае мы имеем дело с авторским стилем, и употребление индикатива во всех (по сравнению с другими источниками достаточно эмоциональных) четырёх контекстах сложно объяснить чем-то помимо авторского произвола. Ещё интереснее выглядят случаи, когда в одном произведении мы сталкиваемся с употреблением обоих наклонений в однотипной конструкции. Так, оба контекста из примера 25 взяты из известного аргентинского романа «Поцелуй женщины-паука» Мануэля Пуига (подобные случаи употребления различных наклонений в рамках одного текста найдены в книгах Хулио Кортасара, Исабель Альенде, Марио Бенедетти и др.). В этом случае автор либо просто не осознаёт существование оппозиции индикатив/конъюнктив в данной конструкции, тем самым нейтрализуя её, либо (что вероятнее) сознательно употребляет определенное наклонение, выводя на первый план очевидность нового факта или досаду персонажа по поводу предмета разговора[13].

Наконец, пример 26 представляет собой фрагмент речи Фиделя Кастро. В данном весьма нетривиальном примере оба наклонения употребляются друг за другом фактически в рамках одного высказывания. При этом употребление индикатива после конъюнктива вовсе не случайно и даже комментируется говорящим: за абстрактными высказываниями об отсутствии товарищей следует фраза об их физически ощутимом отсутствии здесь и сейчас, но и о реальном для говорящего и ощутимом духовном присутствии. Употребление индикатива в данном случае как раз подчёркивает эту ощутимость: сожаление-эмоция не может заслонить неумолимость факта и контрастирующего с ним радостного утверждения.

[13] Недаром в примере с субхунтивом содержится местоимение *lo* в анафорической функции.

Исходя из статистики, получается, что в высказываниях с *lástima que* сила сожаления может доходить до своего минимального предела, о чём на наш взгляд свидетельствует относительно большое количество контекстов с индикативом.

Любопытно, что процент употреблений индикатива в контекстах с португальской конструкцией *é uma pema que* ненамного меньше (46 на 500). В основном это примеры разговорной речи или высказываний из СМИ:

É uma pena que *este País* ***não valoriza*** *os conhecimentos acumulados por Deputada Esther Grossi.* ‘Жаль, что эта страна не ценит знания, накопленные депутатом Эстер Гросси’.

É uma pena que perdemos *a Copa.* ‘Жаль, что мы упускаем Кубок’.

«É uma pena que *ainda* ***não*** *me* ***descobriram*** *para o futebol», brinca.* ‘«Жаль, что они еще не открыли меня для футбола», шутит он’.

«É uma pena que*, no final, a bandeira amarela* ***impediu*** *qualquer chance de a gente conseguir subir no pódio», afirmou.* ‘«Жаль, что в конце концов желтый флаг не позволил нам подняться на подиум», сказал он’.

«É uma pena que *as outras seleções também* ***pensam*** *o mesmo», afirmou.* ‘«Жаль, что другие команды тоже думают так же», — сказал он’.

«***É uma pena que*** *isso* ***partiu*** *de uma denúncia infundada», disse.* ‘«Жаль, что это произошло из необоснованной жалобы», — сказал он’.

«É uma pena que foi *a única opção para ganhar um dinheiro», disse o jogador.* ‘«Жаль, что это был единственный вариант заработать деньги», — сказал игрок’.

É uma pena que *como governador* ***não posso*** *responder no mesmo tom.* ‘Жаль, что, будучи губернатором, я не могу ответить тем же тоном’.

É uma pena que *eles* ***não vão jogar****.* ‘Жаль, что они не будут играть’.

É uma pena que *antes do fim de seus mandatos* ***teremos*** *uma boa chance de afundar junto com eles*. ‘Жаль, что до истечения их полномочий мы рискуем утонуть вместе с ними’.

На наш взгляд, большинство примеров с нетипичным индикативом представляют собой как бы печальную констатацию факта, часто нового и неожиданного для собеседника. При этом ситуация, вводимая оператором сожаления, может относиться как к настоящему (примеры 27—28), так и прошлому (29) и будущему (35—36)[14]. Обращает на себя внимание относительно большое (около четверти исключений) количество примеров, представляющих собой прямую речь с ремарками-глаголами verba dicendi, которые как бы семантически дублируют фокусировку говорящего на информации, а не на эмоции (примеры 29—33). Интересен и пример 34, явно представляющий собой элемент полемического диалога, реплику, где передаваемая в диктуме информация опять же важнее модуса. Отметим также любопытную деталь: как среди испанских, так и среди португальских примеров много контекстов спортивной тематики (из латиноамериканских национальных вариантов), интервью со спортсменами и т.д. С одной стороны, они, по сути, представляют собой разговорную речь, с другой, не исключено взаимовлияние бразильской и испано-американской журналистики в рамках единого ареала.

В заключение коснёмся итальянских исключений примеров с *peccato che*. База данных даёт чуть больше примеров, но примечательно, что процент приблизительно схож с иберо-романскими языками (166 на 1386):

Peccato che *non per tutti la sede* ***sarà*** *vicina a casa*. ‘Жаль, что не для всех это будет близко к дому’.

Peccato che *per vederla su strada* ***dovremo*** *aspettare ancora 18 mesi*. ‘Жаль, что, чтобы увидеть ее на дороге, нам придется подождать еще 18 месяцев’.

Peccato che non capisci *niente de poesia*. ‘Жаль, что ты ничего не смыслишь в поэзии’.

Peccato che non *mi* ***hai mandato*** *delle foto.* ‘Жаль, что ты не послал мне фотографии’.

[14] Отметим, что формы будущего времени индикатива в принципе часто трактуются в романистике как близкие к формам косвенного наклонения: они описывают то, чего нет в реальности.

Il sistema funziona bene. ***Peccato che*** *i cittadini* ***non*** *lo* ***usano***. ‘Система работает нормально. Жаль, что граждане не используют её’.

Peccato che *quando chiamo il numero verde, la risposta è sempre la stessa*. ‘Жаль, что, когда я звоню по бесплатному номеру, ответ всегда один и тот же’.

Peccato che *io* ***non avevo*** *mai* ***conosciuto*** *una donna*. ‘Жаль, что я не знал бабушку’.

Peccato che *la nipotina non* ***c’era****, e che Caterina* ***sembrasse*** *ben lontana anche solo dall’ idea di dargliene una.* ‘Жаль, что внучки не было, и что Екатерина, казалось, была далека даже от идеи им её подарить’.

В основном это контексты из прессы и художественной литературы. Чаще всего перед нами опять констатация очевидного, непреодолимого, недовольство реальностью, рутиной. Часто это короткие имитирующие разговорную речь фразы. Так, примеры 37—38 (опять же с формами будущего времени) говорят о том, что что-то работает не так, как надо. При этом видно, что в конструкциях с *peccato che* речь совсем не идёт о сильной эмоции (репрезентативны примеры 41 и 42). Это также коррелирует с выбором индикатива говорящим.

Примеры 39—40 (похожих примеров довольно много) представляют собой апелляцию к собеседнику. Чаще всего конструкция строится по модели *peccato che hai*, и употребление индикатива может быть вызвано, на наш взгляд, как желанием избежать омонимии форм конъюнктива (см. [Ануфриев 2022, 12]) и указать на собеседника, так и стремлением повысить степень уверенности гипотезы, представить важную для собеседника информацию как нечто очевидное.

Примеры 43 и 44 взяты из художественной литературы. Типичен пример 43, где говорящий недоволен чем-то связанным с ним самим (прошлым или настоящим). Непосредственно воспринимаемая реальность вокруг него может быть представлена как главное в содержании фразы, тогда как недовольство описывается только модусом, а не наклонением. В примере 44 конструкции взяты из одного романа. Скорее всего, здесь имеет место характерная для художественной прозы нейтрализация.

Таким образом, несмотря на некоторые (пусть и незначительные) семантические различия рассмотренной конструкции в иберо-романских и итальянском языках, можно говорить об общих тенденциях, связанных с употреблением нетипичного индикатива: исходя из статистики, контексты с индикативом составляют 10—15% от общего количества употреблений. Исследуемая конструкция, как правило, описывает не столько сильную эмоцию, сколько недовольство ситуацией, в той или иной степени связанной с говорящим. При этом чаще всего информация для собеседника является новой, что служит дополнительным фактором для выбора индикатива. Наиболее характерные языковые сферы, где возможно употребление индикатива, это пресса, разговорная речь (речь спортсменов в СМИ) и художественная литература, где опять же имитируется разговорная речь. С точки зрения географического ареала, если говорить об испанском и португальском языке, в основном это Латинская Америка, где в последнее время в целом наблюдается тенденции к сокращению употребления конъюнктива.

Если говорить о рассмотренных предикатах сожаления в целом, то, несмотря на предписанное нормативной грамматикой употребление предикатов сожаления с конъюнктивом, в узусе ситуация выглядит иначе. Если акцент в большей степени делается говорящим на новой информации, а не эмоциональном состоянии, то в придаточном предложении велика вероятность появления индикатива. В этом прослеживается аналогия с другими пропозициональными предикатами, в семантике которых аксиологическая составляющая может отступать на второй план (например, испанские предикаты надежды и опасения *esperar* и *temer*). В иберо-романских языках подобное явление в наибольшей мере характерно для латиноамериканских вариантов в контекстах с конструкцией со значением ‘жаль, что’, относящихся к разговорной речи. Крайним проявлением данной тенденции можно считать практически полную десемантизацию и сближение глаголов типа *lamentar* с verba dicendi в конструкциях, где говорящий не совпадает с субъектом сожаления.

Основными уже не семантическими, а прагматическими факторами при этом являются степень новизны информации и степень эмоциональности, которую хочет выразить говорящий. В принципе выбор ненормативного индикатива может быть обусловлен произволом говорящего, который хочет добиться того или иного перлокутивного эффекта. Отсутствие жёсткой дистрибуции и возможность выбора наклонения как грамматического средства выражения субъективной оценки как нельзя лучше помогает ему корректировать семантику, изначально заложенную в исследуемых конструкциях. Также можно выделить такие факторы, как наличие и уровень близости собеседника и говорящего, равно как и перлокутивные цели последнего.

В который раз приходится отмечать, что ряд употреблений нетипичного наклонения с трудом поддаётся мотивировке, и, скорее всего, в таких случаях наблюдается нейтрализация оппозиции индикатива и конъюнктива, в принципе характерная для современного состояния романских языков и для оценочных пропозициональных конструкций, в частности.

Подытоживая вышесказанное, можно утверждать, что только исследование группы предикатов со сходной семантикой позволяет в полной мере выявить тенденции употребления наклонений как в романском ареале в целом, так и в том или ином типе дискурса или географической зоне распространения конкретного языке. На наш взгляд, подробный прагматический анализ предикатов сожаления может способствовать дальнейшим исследованиям в области семантики наклонений и употребления оценочных пропозициональных предикатов как в испанском языке в целом, так в и отдельных зонах его распространения.

Список сокращений

CORIS — Corpus di Riferimento dell'Italiano Scritto // https://corpora.ficlit.unibo.it/coris_ita.html.

CREA — Corpus de Referencia del Español Actual // http://corpus.rae.es/creanet.html.

AC/DC — Acceso a corpos / Disponibilizaçao de corpos // http://linguateca.pt/acesso/corpus.php?corpus=TODOS.

Литература

Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: Изд-во Московского университета, 1971.

Ануфриев А.А. Предикаты рациональной и эмоциональной оценки в испанском языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М.: Изд-во Московского университета, 2009. № 5. С. 173—183.

Ануфриев А.А. Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. Калуга: ФБГОУ ВПО «Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского», 2015. С. 65—74.

Ануфриев А.А. Вариативность наклонений в безличных эпистемических конструкциях с пропозициональным дополнением в испанском и итальянском языках.// Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. М., 2022. № 2 (17). С. 14—27.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: УРСС, 2002.

Грамматика и семантика романских языков. М.: Наука, 1978.

Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

Никонов Б.А. Грамматика португальского языка. М.: Высшая школа, 1981.

Alteri Biagi M. L. La grammatica dal testo. Milano: Mursia, 1987.

Ángeles Sastre M. El subjuntivo en español. Salamanca: Colegio de España, 1997.

Bronzi A.M. 1977, Indicativo e congiuntivo nelle completive italiane // Studi di Grammatica Italiana. Vol. VI. Firenze: Accademia della Crusca, 1977. P. 425—450.

Cunha C. F., Cintra L.F.L. Nova gramática do português contemporâneo. Rio de Janeiro: Ed. Nova Fronteira, 1985.

Dardano M., Trifone P. Grammatica Italiana con nozioni di linguistica. Bologna: Zanichelli, 1995.

Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Санкт-Петербург, 1997.

Fernández Ramirez S. Gramática española. El verbo y la oración. Madrid: Arco libros,1986.

Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid: Gredos, 2000.

Leone A. Conversazioni sulla lingua italiana. Presentazione di Giovanni Nencioni, Firenze: Olschki, 2002.

Linguateca, um centro de recursos — distribuído — para o processamento computacional da língua portuguesa // https://www.linguateca.pt/.

Lombardi Vallauri E. Vitalità del congiuntivo nell'italiano parlato. 2003. https://www.researchgate.net/publication/323126544_Vitalita_del_congiuntivo_nell'italiano_parlato

Marzullo M. Uso del congiuntivo. 2003. https://accademiadellacrusca.it/it/consulenza/uso-del-congiuntivo/104

Matte Bon F. Gramática comunicativa del español. De la idea a la lengua. Madrid: Edelsa, 2001.

Molho M. Sistemática del verbo español. Madrid: Gredos, 1975.

Nueva gramática de la lengua española. Madrid: Espasa, 2011.

Porto Dapena J.A. Del indicativo al subjuntivo. Madrid: Gredos, 1991.

Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. III. Sintassi. Torino: G. Einaudi, 1969.

Rosental D.E. Lingua italiana. Corso elementare. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1949.

Serianni L. Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria. Torino: UTET, 1989.

Schneider S. Il congiuntivo tra modalità e subordinazione. Roma: Carocci, 1999.

Stewart D. Il congiuntivo italiano: modo della realtà? Uno sguardo al congiuntivo nelle grammatiche italiane moderne // Intorno al congiuntivo. A cura di Leo Schena, Michele Prandi, Marco Mazzoleni, Bologna, CLUEB, 2002. P. 105—122.

Semantics of regret in Romance languages: structure types, meaning, collocation restrictions

A.A. Anufriev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

The article discusses basic propositional structures describing regret (*it's a pity that...*, *I regret that* ....) in Spanish, Portuguese and Italian. The focus is both on semantics of the given structures and their operation as a means for propositional attitude. Their combination with the verb mood in subordinate clause is considered to be a grammatical means of subjective evaluation.

Keywords: Spanish, Italian, Portuguese, state verbs, epistemic evaluation, emotional evaluation, propositional attitude, verb mood, indicative, subjunctive.

DOI: 10.37892/2218-1393-2023-18-1-50-65

Развитие коммуникативной компетенции средствами фразеологии библейского происхождения

А.Д. Бакина (Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Аннотация

Настоящая статья посвящена проблеме формирования и совершенствования фразеологической компетенции как компонента иноязычной коммуникативной компетенции на старшем этапе языкового ВУЗа. Данная тема представляет большую актуальность в современной методике преподавания иностранных языков, поскольку на практике изучению библейских фразеологизмов уделяется очень мало внимания в высшей языковой школе, несмотря на то что изучение фразеологизмов имеет большую практическую ценность и образовательный лингводидактический потенциал. В статье уточняется статус библейской фразеологической единицы, рассматриваются способы введения библейской фразеологической лексики в традиционные дисциплины учебного плана и спецкурсы, например, по фразеологии английского языка.

Ключевые слова

Библеизм, библейская фразеология, компетентностный подход, коммуникативная компетенция, фразеологическая компетенция, фразеодидактика, система упражнений по лексике.

Библия, будучи одной из самых значимых книг человечества, чьи духовно-нравственные принципы и идеалы остаются основополагающими и незыблемыми, продолжает оказывать значительное влияние на формирование представлений о мире, а также на развитие языков, обычаев, культур, являясь неиссякаемым источником выражений, идиом, цитат и крылатых слов, закрепившихся во многих языках. Особый лингвистический интерес представляют библеизмы, в частности, фразеологические единицы библей-

ского происхождения, морально-этическое содержание которых определяется десятью библейскими заповедями о любви и мире, справедливости и терпимости, добре и избавлении от искушения, то есть, в конечном счете, о необходимости стремления к гармонизации отношений между людьми разных социальных слоев и возрастов [Fedulenkova 2000, 294].

В современной лингвистике понятия «библеизм» и «библейский фразеологизм» часто смешивают. В нашем исследовании мы предпочитаем их разграничивать, при этом *библеизм* является наиболее общим термином, включающим в свой состав фразеологические единицы библейского происхождения. Сравним различные определения. Так, например, в словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой *библеизм* определяется как «библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык» [Ахманова 1960, 66] и подразумевает под собой разнообразный языковой материал — от отдельных слов и словосочетаний до единиц паремиологии: фразеологизмов, пословиц, поговорок и пр.

Е. М. Верещагин трактует понятие «библеизм» как «отдельные слова, устойчивые словосочетания, целые выражения и даже фразы, восходящие по своему происхождению к Библии, которые или заимствованы из Библии, или подверглись семантическому воздействию библейских текстов, в том числе не ассоциируемые с ней в современном языковом сознании» [Верещагин 1993, 90].

Т. А. Бердникова и Н.А. Уарова полагают, что библеизмы включают в себя «фразеологизмы, афоризмы библейского происхождения, крылатые слова и выражения, любые устойчивые сочетания слов, прямо или опосредованно связанные с конкретными библейскими сюжетами и ситуациями, а также цитаты из Священного Писания» [Бердникова, Уарова 2015, 112].

А. Бирих и Й. Матешич определяют библеизмы как «языковые единицы, заимствованные из Библии <…> значительную часть которых составляют устойчивые сочетания, а также целые выражения и даже фразы» [Бирих, Матешич 1999, 41]. В то же время Е. С. Семенова понимает под библеизмами «особую группу в системе образных средств

литературного языка. Это первая по времени сугубо книжная фразеология языка» [Семенова 2003, 5].

Таким образом, некоторые ученые трактуют библеизмы в узком смысле — как «устойчивые сочетания (фразеологизмы), которые характеризуются рядом показателей, а именно: смысловой законченностью, воспроизводимостью (с возможными вариантами), семантической и стилистической маркированностью» [Бетехтина 1995, 20]. Другие же, напротив, интерпретируют библеизмы в широком смысле как совокупность большого количества лингвистических понятий, напрямую или опосредованно связанных как конкретно с Библией, так и с православным вероучением в целом.

Вслед за профессором Т. Н. Федуленковой под библейскими фразеологизмами мы будем понимать «устойчивые, воспроизводимые в речи сочетания слов или предложения с полностью или частично переосмысленным значением, возникшие на основе библейского прототипа и восходящие к тексту Библии или библейскому сюжету» [Федуленкова 2016, 23].

Библейские фразеологизмы обладают ключевыми чертами, позволяющими идентифицировать их в тексте и изучать на занятиях по иностранному языку, такими, как связь с Библией и текстами библейского характера (фразеологизмы со свободным библейским прототипом или вариантом прототипа, фразеологизмы с измененной или искаженной формой библейского цитирования, с отсутствием библейского прототипа, образованные в результаты игры слов), их частная интернациональность и редкая национальная окраска, разное время образования (в связи с чем выделяются добиблейские, собственно библейские, постбиблейские фразеологизмы и окказиональные библейские фразеологизмы), особая стилистическая коннотация (возвышенная, юмористическая, экспрессивная, оценочная). При этом в тексте библейские фразеологизмы выполняют разные функции, главенствующими из которых являются эмоциональная, экспрессивно-оценочная, образная функции, функция персонификации, гиперболизации и умолчания.

Изучение фразеологизмов на занятиях по практике речи иностранного языка (английского языка) или в рамках таких дисциплин, как Основы теории первого иностранного языка, Стилистика первого иностранного языка, Лингвистический анализ и интерпретация текста, Введение в теорию межкультурной коммуникации, Лингвокультурологические аспекты перевода и т.п. в языковом ВУЗе предполагает формирование и дальнйшее совершенствование фразеологической компетенции, которая входит в состав общей коммуникативной компетенции и ее разновидностей (лингвистической / языковой компетенции, социокультурной компетенции, речевой компетенции). Под фразеологической компетенций понимается способность учащихся использовать фразеологизмы изучаемого языка в речи и умение определять их в звучащей речи / тексте. Необходимость формирования фразеологической компетенции вызвана тем, что изучение фразеологизмов позволяет пополнить словарный запас, сформировать лексические и грамматические навыки, развить способность к выразительной речи, умения воспринимать информацию в тексте. Более того, фразеологизмы отражают культуру страны изучаемого языка, упрощают конструирование речи на английском языке, заполняют лексические лакуны, упрощают переход учащихся с родного на иностранный язык.

В современной методике преподавания иностранных языков коммуникативная компетенция представляет собой способность использования языковых средств для выполнения речевой деятельности, соответствующей целям и контексту общения в рамках определенной сферы деятельности. Введение понятия «компетенция» и ее составляющих в отечественной лингводидактике связано с поисками более точного определения целей обучения и выявлением содержательного компонента такой способности в виде знаний, навыков и умений, необходимых для участия в продуктивных и рецептивных формах речевого общения. В рамках образовательных программ обязательным минимумом являются социокультурные знания и умения, включающие в себя информацию о стране, науке, культуре, духовных ценностях и традициях, а также о месте этих стран в мировом обществе и их взаимоотношениях с нашей страной.

В современном образовании социокультурная компетенция играет важнейшую роль, поскольку позволяет преодолевать ксенофобию и стереотипы, а также формировать толерантное отношение к представителям других языков и культур. Социокультурная компетенция включает в себя знание норм речевого поведения в зависимости от коммуникативной ситуации и умение обнаруживать национально-маркированную лексику в текстах различных стилей и понимать ее значение [Латухина 2014].

Сегодняшняя глобальная цель изучения иностранного языка — это приобщение к иной культуре и участие в диалоге культур. Эта цель достигается путем формирования способности к межкультурной коммуникации. В этом отношении необходимо осознавать, что фразеологическая компетенция играет важную роль в развитии многообразной культурной личности. В.Н. Телия считает, что фразеологизмы отражают языковое сознание, в котором заключены многовековой опыт и мудрость народа, т.е. ключевые элементы культуры и менталитета [Телия 1996]. Автор выделяет такие компоненты, составляющие структуру фразеологической компетенции, как лингвистический или языковой компонент; прагматический или речевой компонент; социокультурный компонент; стратегический компонент и мотивационно-целевой компонент, в основе которого лежит формирование мотивационной составляющей учебного процесса [Телия 1996].

Принимая во внимание компоненты фразеологической компетенции, можно сделать вывод, что она представляет собой знание фразеологического состава языка и умение использовать его в речевой практике. Для оценки овладения фразеологической компетенцией учащимся необходимо убедиться в том, что он обладает знаниями о фразеологической системе изучаемого языка и способен использовать эти знания на практике в различных коммуникативных ситуациях.

Стоит упомянуть, что фразеологизмы в языке тесно связаны с образным мышлением народа, отражают историю, культуру и традиции общества. Поэтому занятия по фразеологии в иностранной аудитории должны быть организованы таким образом, чтобы учащиеся могли связать элементы иностранного языка и культуры с их родным языком и

культурой. Для этого необходимо сосредоточить внимание учащихся на сопоставлении фразеологизмов иностранного языка с фразеологизмами их родного языка.

Использование фразеологизмов в речи способствует реализации практической цели обучения иностранным языкам, которая состоит в овладении навыками живого общения [Бакина 2022, 223].

Фразеологические единицы способны отражать национальные традиции, обычаи, культуру страны изучаемого языка. Семантика фразеологических единиц тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с его историей, в связи с чем фразеологизмы зачастую включаются в программу по английскому языку. Как отмечает В.Н. Вагнер, в настоящее время используется национально-ориентированное преподавание, что является важным средством оптимизации учебного процесса. По его мнению, такой способ обучения языку – это «главная методическая установка, на основе которой реализуются принципы сознательности, системности, функциональности, коммуникативной направленности, определяются адекватные формы и приемы обучения» [Вагнер 1988, 70—71].

Необходимость формирования фразеологической компетенции на занятиях по иностранному языку объясняется также тем, что фразеологизмы несут в себе максимум информативности при минимуме лексического объекта, и в этом состоит их весомость как лексических единиц и словосочетаний.

Библейская фразеология представляет собой отдельную обширную группу в составе фразеологического фонда национального языка и обладает отличительными особенностями, на которые необходимо обращать внимание в ходе формирования и развития фразеологической компетенции. Данные особенности наблюдаются на разных языковых уровнях: лексическом, грамматическом (синтаксическом), а также в области устойчивости структуры и компонентного состав фразеологизма, т.е. в текстологическом аспекте.

Выделим главные особенности лексического уровня, которые необходимо учитывать при формировании фразеологической компетенции. Прежде всего, библейские фра-

зеологизмы часто содержат в своем составе имена собственные. См., например, *(as) old as Methuselah* (ср. рус. *мафусаилов век*; далее в скобках даны русские эквиваленты-библеизмы), *the Tower of Babel* (*вавилонское столпотворение*), *Balaam's ass* (*валаамова ослица*), *Belshazzar's feast* (*валтасаров пир*), *the brand (mark) of Cain* (*каинова печать*), *doubting Thomas* (*Фома неверующий/неверный*), *David and Jonathan* (*Давид и Ионафан*), *Egyptian darkness* (*тьма египетская*), *Noah's flood* 'всемирный потоп (букв. 'Ноев потоп'), *Judas kiss* (*поцелуй Иуды / Иудин поцелуй*), *Solomonian judgment* (*соломоново решение*) и др.

Большую сложность при изучении могут представлять устаревшие лексемы, которые используются в библейской фразеологии. При этом устарелость используемой лексики в библейских фразеологизмах может быть разного типа.

Во-первых, это собственно устаревшие лексемы (архаизмы, историзмы), например:

beat swords into ploughshares (ср. *перековать мечи на орала*). Здесь используется историзм *ploughshare* 'орало';

gird up one's loins (*препоясать чресла*). Здесь используется архаизм *loins* 'чресла';

[this] vale of tears (юдоль плача/скорби). В данном случае используется архаизм и поэтизм *vale* 'дол, долина, юдоль';

a whited sepulcher (*гроб повапленный*). В этом фразеологизме используется архаизм *sepulcher* 'могила, гробница'.

Во-вторых, это устаревшие грамматические формы, как в следующих фразеологизмах: *He that giveth unto the poor shall not lack* (*Да не оскудеет рука дающего*). Грамматически устаревшим словом является *giveth*, которое отличается нехарактерным для современного английского языка окончанием *-th* у глагола третьего лица единственного числа. *The Lord gave, and the Lord hath taken away* (*Господь дал, Господь взял*). В данном случае выделяется то же окончание у глагола have. Physician, heal thyself (Вра́чу, исцелися сам). Местоимение thyself является устаревшей формой местоимения yourself. *Whither*

goest thou? (*Камо грядеши?*) Все три слова в компонентном составе фразеологизма являются архаизмами: *whither — where, goest —* go, *thou — you. Whosoever shall smite thee on the right cheek, turn to him the other also* (*Кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему (подставь ему) и левую (и другую)*). В этом фразеологизме отмечается местоимение thee, которое в современном английском языке имеет форму you).

Другой лексической особенностью библейских фразеологизмов является использование книжной лексики в составе фразеологических единиц: *Old Serpent* (*Змий-искуситель*), *the nethermost fire* (*геенна огненная*).

Выделим также иноязычные вкрапления, т.е. фразеологизмы в других языках, у которых есть и исконно английские эквиваленты, ср.: *Sursum corda!* (*Горé (имеим) сердца!*). Фразеологизм, отсылающий ко христианской литургии, приводится на латыни, однако есть и собственно англоязычный вариант: *lift up hearts!*

В грамматическом аспекте следует выделить, прежде всего, тот факт, что большинство библейских фразеологизмов имеют достаточно распространенную структуру. Они представляют собой в большинстве случаев утвердительные изъявительные предложения.

С другой стороны, в рамках английской библейской фразеологии выделяются и другие типы предложений, на которых построены фразеологизмы, например, со структурой вопроса: *Am I my brother's keeper?* (*Разве я сторож брату моему?*); *Is Saul also among the prophets?* (*Еда (неужели) и Саул во пророцех?*); *What is truth?* (*Что есть истина?*); *Whither goest thou?* (*Камо грядеши?*)

Также существуют библеизмы с императивной структурой, побуждающей к действию: *Let there be light!* (*Да будет свет!*); *Let this cup pass from me* (*Да минует меня чаша сия*); *Love your neighbour as yourself* (*Возлюби (люби) ближнего своего [как самого себя]*).

Интересно использование в библеизмах английского языка сложных предложений, отличающихся параллелизмом, т.е. повторяемостью в двух частях фразеологизма:

Live by the sword, die by the sword (*Взявшие меч от меча (мечом) погибнут*); *He that (who) is not with us (me) is against us (me) — Кто не с нами (не со мною), тот против нас (против меня)*; *Sow the wind and reap the whirlwind* (*Кто сеет ветер, пожнет бурю*); *The Lord gave, and the Lord hath taken away* (*Господь (Бог) дал, господь (Бог) взял*).

В одном случае выявлена инверсия, т.е. обратный порядок слов, неверный с точки зрения принципов современной грамматики английского языка. Инверсия является признаком возвышенности и устарелости библейских фразеологизмов:

In the beginning was the word (*в начале (сначала) было слово*).

По традиционным правилам грамматики английского языка должен быть порядок слов SVO: *The word was in the beginning.*

В текстологическом аспекте наименьшую сложность при изучении представляют интернациональные фразеологизмы, которые имеют однозначный, часто калькированный эквивалент в русском языке: *as one man* (*как один [человек]*); *the book of life* (*книга жизни*); *a dead letter* (*мертвая буква*); *forbidden fruit* (*запретный плод*); *the golden calf* (*золотой телец*); *the olive branch* (*оливковая ветвь*); *prodigal son* (*блудный сын*).

Сложность в текстологическом аспекте представляют фразеологизмы, которые в английском языке имеют возможность варьировать свой компонентный состав. Например: *book sealed with seven seals / sealed book / closed book* (*книга за семью печатями*); *a double-edged sword / two-edged sword* ‘обоюдоострый меч’ (аналог рус. *палка о двух концах*); *to drain (to drink) the cup [of bitterness (grief, sorrow, misery etc.)] to the dregs / to drain (to drink) the bitter cup* (*пить / выпить (испить) [горькую, полную] чашу [до дна]*); *the [Great] Flood / Noah’s flood* (*всемирный потоп*); *to pore out one’s soul (heart) to smb./ to bare one’s soul (heart) to (before) smb* (*изливать/излить душу*); *the promised land / the land of promise / the land of milk and honey* (*земля обетованная*).

В этом случае следует уделять внимание каждой вариации фразеологизма.

Возможны и грамматические вариации, как в следующих библеизмах: *[chief] cornerstone / corner stone* (*краеугольный камень*); *Man cannot live / shall not live by bread*

alone (*Не хлебом единым жив человек*); *the promised land / the land of promise* (*земля обетованная*).

В английском языке также используются библейские фразеологизмы, которые могут иметь и краткую, и полную форму. Например: *feet of clay / colossus with feet of clay* (*колосс на глиняных ногах*); *the Creation / the Creation of the world* (*сотворение мира*); *forbidden fruit / forbidden fruit is sweetest* (*запретный плод / запретный плод сладок*); *a proverb / a proverb and a byword among all people* (*притча во языцех*).

Все эти отличительные особенности библейских фразеологизмов необходимо учитывать в ходе формирования фразеологической компетенции на старших курсах языкового ВУЗа.

Приведем ряд упражнений, способствующих формированию и совершенствованию коммуникативной компетенции на материале библейской фразеологии.

Упражнения и задания ознакомительного этапа:

Task 1. 1. Read the sentences and find biblical idioms. Find their meaning in the glossary. Translate the sentences using Russian equivalents of the idioms given in the glossary.

1) *They looked at their lord in amazement, and then as one man they drew their swords and laid them at his feet* (J. R. R. Tolkien. The Lord of the Rings: The Two Towers (1954)).

2) *Henry was her cross and she must bear him* (Margaret Mitchell. Gone with the Wind, Part 1 (1936)).

3) *We have seen very little of each other, you know, since your childhood, and when I think upon it soberly it is hard to realize that you are really mine, sprung from me, bone of my bone and flesh of my flesh* (Jack London. A Daughter of the Snows (1902)).

4) *Books were beyond her interest — knowledge a sealed book* (Theodore Dreiser. Sister Carrie (1900)).

5) *“Built on sand,” answered Jolyon, pressing her hand hard; “but it’s a pleasure to do anything, at any time, remember that”* (John Galsworthy. In Chancery (1920)).

6) *Children died in droves, and adults ate bread by the sweat of their brows* (Yuval Noah Harari. Sapiens: A Brief History of Humankind (2014)).

Данное упражнение направлено на развитие умений идентифицировать фразеологизмы в тексте, что является одним из необходимых умений для развития фразеологической компетенции.

Task 2. Russian and English equivalents (analogues) of biblical phraseological units are mixed up here. You need to correct that.

sift the grain (or wheat) from the chaff — метать бисер перед свиньями;

have itching ears — лениться;

eat the bread of idleness — отделить зерна от плевел;

act (or play) the fool — подставить другую щеку;

cast pearls before swine — быть единомышленником;

kick against the pricks — валять дурака;

be of the same mind — биться головой об стену;

turn the other cheek — сплетничать.

Task 3. Read the dialogue and paraphrase it using the biblical phraseological units:

John: *Hey Mark, have you noticed how some people seem to just waste their time and never do anything productive?*

Mark: *Absolutely! It's frustrating to see people wasting their time instead of working towards their goals. It's like they're trying to achieve something without the necessary resources.*

John: *That's a great analogy. Another thing that bothers me is when people share valuable advice or information, but the recipients don't appreciate or understand its worth.*

Mark: *You're right. I's essential to distinguish what is valuable and useful from what is worthless or unimportant.*

John: *Definitely. And when someone wrongs us, it's not easy, but we should respond with forgiveness and non-violence.*

Mark: *It takes a lot of strength to do that, but it's the right thing to do. Otherwise, we're just resisting or opposing a situation and causing ourselves more pain.*

John: *True. On the other hand, there are people who behave foolishly or silly, sometimes just for amusement or to deceive others.*

Mark: *It's important not to have a strong desire to hear or believe only what pleases us or confirms our preconceived notions. We need to be open to different perspectives.*

John: *Absolutely. In order to have constructive conversations, it's crucial to agree or at least be willing to understand and respect each other's viewpoints.*

Mark: *Agreed. Being open-minded and seeking common ground can lead to more meaningful and productive discussions.*

John: *Definitely. It's important to remember these principles in our interactions with others and strive for understanding and harmony.*

Mark: *Absolutely. Let's keep that in mind and continue to grow and learn from each other.*

Task 4. Come up with similar dialogues. Remember to use various biblical expressions to express your ideas (данное упражнение завершает этап ознакомления и переходит на самостоятельный продуктивный уровень).

Task 5. (Hometask/Project task). Using the internet, find 5 songs with any biblical idioms and explain what they mean.

Упражнения и задания основного тренировочного этапа.

Task 1. Read the suggested excerpts from the article. Based on them, derive definitions for phraseological units.

Overcoming Challenges and Embracing Courage: A Journey of Resilience

Introduction: Life often presents us with obstacles and trials that test our strength and character. In order to navigate these challenges, we must summon the courage within ourselves to overcome them. This article explores the significance of resilience and determination through the lens of several powerful idioms.

Go through fire and water: *In the face of adversity, we are called to go through fire and water, enduring the most challenging of circumstances. This idiom highlights the willingness to face any obstacle head–on, no matter how daunting it may seem. It is a reminder that perseverance and bravery are essential for personal growth and triumph over difficult situations.*

Hide one's light under a bushel: *Many individuals possess unique talents and abilities, yet they choose to hide their light under a bushel. This idiom emphasizes the importance of not diminishing one's capabilities or accomplishments. Instead, we should embrace our strengths, share our gifts with the world, and inspire others to do the same.*

Cast the first stone at someone: *Judging others without understanding their circumstances or experiences is akin to casting the first stone. This idiom serves as a reminder to withhold judgment and extend compassion towards others. By fostering understanding and empathy, we can create a more inclusive and supportive society.*

Remove mountains: *The task of removing mountains may appear insurmountable, but it symbolizes the power of determination and perseverance. This idiom encourages us to tackle seemingly impossible challenges with unwavering dedication. By breaking down large obstacles into manageable steps and persisting through adversity, we can achieve great feats.*

Task 2. Comment on the given idioms. Make up a situation centered round one of them.

Task 3. Writing Exercise: Exploring Idiomatic Expressions of Resilience and Action

Instructions: In this exercise, you will explore and discuss idiomatic expressions related to resilience, determination, and overcoming obstacles. Reflect on the meanings of the given idioms and provide examples or personal experiences that illustrate their significance. Write a paragraph or two for each idiom, elaborating on its meaning and offering insights or anecdotes that demonstrate its application in real–life situations. Be creative and thoughtful in your responses.

Idioms to explore:

To beat the air.

Go through fire and water.

Hide one's light under a bushel.

Cast the first stone at someone.

Remove mountains.

Example:

To beat the air: This idiom signifies the act of exerting effort or energy without making any real progress or impact. It can represent instances when we find ourselves engaged in fruitless endeavors, such as arguing with someone who refuses to listen or trying to change the unchangeable. Personally, I experienced this idiom's essence during a heated debate about a contentious topic. Despite presenting well-researched facts and logical arguments, I realized that the other person was unwilling to consider alternative viewpoints. It reminded me that sometimes, no matter how hard we try, we cannot change others' opinions or perspectives. In such cases, it is essential to recognize when our efforts are in vain and focus our energy on more productive pursuits.

Task 4. Write an essay using biblical phraseological units. You may also refer to the previous ones from Section 1. Essay Topic: The Journey of Self-Discovery: Overcoming Challenges and Embracing Personal Growth.

Таким образом, совершенствование коммуникативной, в частности фразеологической компетенции посредством включения фразеологии библейского происхождения в традиционные и специальные лингвистические курсы на старшем этапе языкового ВУЗа, необходимо и вполне оправданно, поскольку лингводидактический потенциал библейских фразеологизмов, как в силу их распространенности и широкой употребительности, так и в силу их морально-этической и нравственной ценности, неоспоримо высок.

Литература

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., М.: Сов. энциклопедия, 1969.

Бакина А. Д. Из опыта построения учебного англо-русского словаря библейской фразеологии // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. // Материалы XI Междунар. науч. конф., Челябинск, 7—9 апр. 2022 г.: в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. С. 222—227.

Бердникова Т. А., Уарова Н. А. Функционирование библеизмов в современном русском языке // Сборник трудов Якутской духовной семинарии, 2015, Вып. 2. С. 109—119.

Бетехтина Е. Н. Фразеологические единицы с антропонимическим компонентом библейского происхождения в русском и английском языках // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов: к 80-летию Русской/Северо-Западной Библейской Комиссии (1915—1995). СПб.: Петрополис, 1995. С. 20—31.

Бирих А., Матешич Й. Фразеология библейского происхождения. Прага, 1999.

Верещагин Е. М. Библейская стихия русского языка // Русская речь, 1993, № 1. С. 90—98.

Вагнер В. Н. Национально ориентированная методика в действии // Русский язык за рубежом, 1988, № 1. С. 70—75.

Латухина М. В. Понятие социокультурной компетенции в обучении английскому языку // Молодой ученый, 2014, № 20 (79). С. 725—727.

Попова Е. С. Пути овладения дискурсивным компонентом иноязычной коммуникативной компетенции. // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы V Междунар. науч. конф. — Уфа: Лето, 2014. С. 108—110.

Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Семенова Е. С. Библеизм как средство речевого воздействия: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003.

Fedulenkova T. N. Biblical phraseology: sacred and profane // Россия и Запад: диалог культур: Материалы 7–й Международной конф. М., 2000. С. 290—299.

Development of communicative competence by means of phraseology of biblical origin

A.D. Bakina (OSU named after I.S. Turgenev)

The paper is devoted to the problem of formation and development of phraseological competence as a component of foreign language communicative competence at the senior stage of a language university. This topic is of great relevance in the modern methodology of teaching a foreign language, because in practice very little attention is paid to the study of biblical phraseological units in higher language schools, despite the fact that the study of phraseological units has great practical value and educational linguodidactic potential. The article clarifies the status of the biblical phraseological unit, considers ways of introducing and working out the biblical phraseological lexicon in traditional disciplines of the curriculum and special courses, for example, in English phraseology.

Keywords: Bible, biblical phraseology, competence approach, communicative competence, phraseological competence, phraseodidactics, exercise system.

DOI: 10.37892/2218-1393-2023-18-1-66-74

П.С. Дронов (Институт языкознания РАН)

Акцентологическая вариантность фразеологических единиц

Аннотация

Статья посвящена одному из видов фонетической вариантности фразеологических единиц. Разграничиваются варианты произносительные, в которых меняется звуковой облик компонентов, и акцентологические. Последние (например, в русском языке) представлены вариантами ударения, фиксируемыми в акцентологическом подкорпусе НКРЯ.

Ключевые слова

Фразеология, вариантность, фонетические варианты, акцентологические варианты.

Вариантность фразеологических единиц — это комплексное явление, проявляющееся в существовании фразеологизмов, которые близки в плане выражения и плане содержания и при определенных условиях могут считаться разновидностями одной и той же единицы. Это явление исследуется в течение долгого времени (см., например, [Диброва 1979; Телия 1968; Телия 1972]). По поводу истории вопроса, основных точек зрения и понятий, связанных с вариантностью см. нашу работу [Дронов 2021].

Вариантность фразеологизмов (идиом, коллокаций, фразеосхем, паремий и др.) может наблюдаться на всех ярусах языка: фонетическом, лексическом, морфологическом и словообразовательном, синтаксическом[1] и даже текстовом (последняя может встречаться в художественных текстах в рамках языковой игры, ср. [Фатеева 2004]). Этот феномен, прежде всего, характерен для идиом и паремий ввиду особенностей их грамматической

[1] Ср. замечание Д.О. Добровольского: «Хотя фразеологизмы — и в особенности идиомы — нерегулярны, многие грамматические категории реализуются во фразеологии таким же образом, как и в свободных словосочетаниях. В терминах грамматики конструкций это объясняется универсальным свойством языка, когда конкретные — в том числе уникальные — конструкции наследуют определенные свойства более общих, абстрактных конструкций» [Добровольский 2023, 87].

структуры (словосочетания или предложения) и наличия у них нетривиально кодируемой семантической составляющей, которая может быть подвержена как устареванию, так и обновлению. Последнее выражается в переоформлении плана выражения и переосмыслении плана содержания. Варианты идиом являются результатом трансформации или модификации (см. [Дронов 2021, 206—207]). Варианты-трансформаты появляются в результате системно-языкового изменения идиомы, которое обусловлено возможностями идиомы как языковой единицы. Варианты-модификаты — это результат языкового эксперимента и игры с планом выражения и/или планом содержания, характерный для определенного дискурса или творчества конкретного автора. В данной статье мы хотели бы рассмотреть вариантность идиом на фонетическом ярусе.

Фонетическая вариантность в идиомах описывается, например, в [Жуков 1986]. При этом В.П. Жуков указывает, что такие варианты «возникают вследствие замены одного компонента другим на фонетической, звуковой основе», т.е. представляют собою лексические субституции наподобие *посыпать голову/главу пеплом, между/меж двух огней, одним/единым махом* [Там же, 133]. Несмотря на то, что здесь мы действительно видим фонетические изменения, первична замена компонента, тем более, что среди приведенных В.П. Жуковым примеров есть церковнославянские заимствования с неполногласием. По этой причине такие варианты следует считать лексическими субституциями по созвучию.

Подобная замена компонента может быть стилистически маркирована (*голова* vs. *глава*), а также может возникать в результате эвфемизации — ср. рус. *едрёна/едрёный/ядрёна/ядрён корень*, англ. *Great guns, Great Scott*, в которых табуированные (бранные или имеющие отношение к религии) компоненты заменены на близкие по звучанию.

Помимо этого, лексические субституции по созвучию могут возникать в результате ослышки; подобные трансформации и модификации получили название *eggcorn*. Этот термин, предложенный М. Либерманом [Liberman 2003] и вошедший в словари (напри-

мер, [Cambridge]), сам является примером ошибочной фонетической записи англ. *acorn* ‘желудь’. Примерами таких вариантов по созвучию являются англ. *nip it in the butt* (букв. «подрезать что-л. в заду») на основе *nip sth in the bud* ‘ликвидировать проблему в самом начале’ (букв. «подрезать что-л. в завязи», ср. рус. *пресечь в корне/зародыше*), *doggy-dog world* на основе *dog-eat-dog world* ‘отношения и нравы, в которых преобладают вражда и крайний эгоизм’ (букв. «мир [, в котором] собака ест собаку», ср. лат. *Homo homini lupus est*), рус. *скрипя сердцем* (от *скрепя сердце*) и *как кур во щи* (на основе *как кур в ощип*).

В отличие от лексических замен по созвучию, чисто фонетическая вариантность подразумевает, что несмотря на возможные изменения фонетической формы компонентов сами они остаются прежними. Фонетические варианты включают трансформации и модификации в рамках как литературного языка, так и диалектов, причем в сочетании с трансформациями и модификации морфологическими и словообразовательными — ср. *давать дёру* vs. *задавать дирка́* (пермский, прикамский, псковский диалектный вариант) [Мокиенко, Никитина 2007, 191]. Близкое, хотя и не идентичное, явление — орфографическая вариантность, т.е. разные варианты написания компонентов ср. *бегать на цирлах/цырлах* [Мокиенко, Никитина 2007, 727—728].

Фонетические варианты делятся на акцентологические (прежде всего, в языках со свободным или полуфиксированным ударением) и произносительные. И те, и другие могут пересекать границу между литературной нормой, просторечием и диалектами, ср. имитацию диалектного происхождения в идиоме *Короче, Склихосовский!*, ср.: *Короче, Склифосовский!* ‘1. Не отвлекайся, говори кратко и по существу. 2. Прекрати говорить что-л.’ [Ковшова 2019, 317], представляющей собой цитату из фильма «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика». М.Л. Ковшова дает следующий комментарий: «В отличие от данной реплики, в идиоме фонетическая форма имени не искажена» [Там же, 318]. С этим можно согласиться лишь отчасти: в [НКРЯ] нет контекстов употребления формы *Склихосовский* (за исключением одного вхождения в подкорпусе социальных

сетей), однако с помошью поисковых систем можно найти до трех тысяч примеров, в том числе в написании *Склихасовский*.

В данной работе мы хотели бы обратить особое внимание на акцентологическую вариантность фразеологизмов в рамках литературной нормы.

Особенности ударения иллюстрируются в таких фразеографических источниках, как «Большой фразеологический словарь» под редакцией В.Н. Телия [БФС] и «Академический словарь русской фразеологии» под редакцией А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [АСРФ]. В первом ударения указаны в лемме, а во втором есть факультативная лексическая зона, которая «появляется только у тех идиом, которые обнаруживают нетривиальные особенности произношения» [АСРФ, 17] (например, *на ухо* [на́ухъ], *по боку* [по́бъку])[2].

Не всегда возможно сказать, какие из этих вариантов первичны, однако можно предположить, что кодифицированные и более архаичные формы являются более ранними. Так, в акцентологическом подкорпусе НКРЯ можно встретить два примера из онлайн-поэзии первых полутора десятилетий XXI в., в которых вышеупомянутая единица *побоку / по боку* употреблена с ненормативным и явно поздним (начала XXI в.) ударением; оба примера взяты из любительской поэзии, ср.: *Но мне́ все та́к же глубоко́ «по-бо́ку» // В како́й стране́ страда́ть и бы́ть чужо́й, // В како́е вре́мя налива́ться со́ком, // В како́м году́ уле́чься на́ поко́й.* [azim. О, запрокинувшая подбородок поэтесса (2004); НКРЯ].

Акцентологические трансформации в русском языке могут быть стилистически маркированы, ср. *по зло́бе* (литературное) vs. *по злобе́* (просторечное, согласно электронной версии «Русского орфографического словаря» под ред. В.В. Лопатина [Академос]). Ср. также идиому *ни за что <ни про что>*, получившую в словаре А.И. Федорова следующее толкование: «1. Совершенно напрасно, абсолютно зря. <…> 2. Без всякой причины

[2] Авторы словаря [АСРФ] рассматривают *побоку* не как наречие, а как идиому, и записывают его раздельно [АСРФ, 65].

(делать что-либо, поступать как-либо)» [ФСРЛЯ, 750]. В идиоме варьируется ударение компонентов: н*и за́ что ни про́ что* vs. *ни за что́ ни про что́*.

(1) **a.** *[Худой волк (Владимир Басов, муж, 54, 1923)] Зоопа́рк/ э́то зоопа́рк. Спи́ де́нь и но́чь. Ве́чный со́н. И при э́том ни за́ что ни про́ что подно́сят еду́. То́лько за то́/ что э́ти де́ти любу́ются твое́й персо́ной и едя́т эскимо́.* [Леонид Нечаев, Инна Веткина. Про Красную Шапочку, к/ф (1977); НКРЯ]. **b.** *[Боб Тидбол (Александр Шворин, муж, 32, 1931)] Слы́шал я́ о тебе́ что́-то нела́дное/ бу́дто ты́ ни за что́ ни про что́ уби́л двои́х/ да я́ не пове́рил!* [Леонид Гайдай. Деловые люди, к/ф (1963); НКРЯ].

Такое ударение появляется уже в примерах XIX в., ср.:

(2) **a.** *Сгѝбнет ни за̀ что ни про̀ что детѝна, // Вста̀нь, заступѝсь за родѝмого сы̀на!* [Н.А. Некрасов. Мороз, Красный нос: «Ты опять упрекнула меня...» (1862—1863); НКРЯ]. **b.** *Ни за что̀, ни про что̀ малых па̀сынков бьѐт // Да заво̀дит с сосѐдями ссо̀ры — // Кто что ѐст, кто что пьѐт и как до̀ма живѐт, — // Хоть бежа̀ть, как начнѐт разгово̀ры.* [И.С. Никитин. Старик другоженец: «Удружил ты мне, сват, молодою женой!..» (12.1853); НКРЯ].

Варианты ударения в примерах (1а) и (2а) являются более экспрессивными и, по-видимому, стилистически сниженными; по крайней мере, это верно в отношении (1а), относящегося к речевому узусу XX в.

Рассмотрим также идиому *раздать всем сестрам по серьгам*. В рамках литературной нормы именной компонент этого фразеологизма имеет нестандартное ударение: «**сестра́**, -ы́, -у́; *мн.* сёстры, сестёр, сёстрам; но: всем сестра́м по серьга́м (поговорка)» [РСУ, 466]. При этом в акцентологическом подкорпусе НКРЯ встречаются примеры иной постановки ударения:

(3) **a.** *[Ефимов Виктор Алексеевич, муж, 68, 1948, профессор] То́ есть ни когда́ «все́м сёстрам по се́рьгам»/ а действи́тельно/ разрабо́таны эффекти́вные э́э контра́кты/ когда́ лю́ди/ рабо́тающие/ хорошо́ о́чень получа́ют сего́дня.* [Дебаты участников предварительного голосования по определению кандидатов в депутаты в Государ-

ственную думу в Санкт-Петербурге (02.04.2016) (2016); НКРЯ]. **b.** *На па́перти пода́чка чудаку́ — // Сестра́м по се́рьгам, де́вкам по́ чулку́, // Разда́вшим всё.* [cholala. Я вас люблю, идущие дожди. (2010); НКРЯ].

Ударение именных компонентов сдвигается к корню. Это является нормой для компонента *сестрам*, однако в случае с компонентом *серьгам* это может рассматриваться как аномалия (впрочем, в [БТС] *се́рьгам* дается как равноправный вариант *серьга́м*). Ср. также употребление идиомы *всякое лыко в строку*:

(4) **a.** *[Мина Михаил Валентинович (муж, биолог-ихтиолог)] Ну́/ понима́ете/ де́ло в то́м — э́то вот я́ с э́тим столкну́лся/ а́а та́м… а́а э́то уже́ по́зже гора́здо/ но всё равно́ лы́ко в стро́ку — вот то́т же Ле́бедев и Ксе́ния Са́нна Савваи́това/ они́ в девяно́сто восьмо́м году́…* [М.В. Мина, Г.А. Клевезаль, Н.А. Формозов. Беседа Н.А. Формозова с М.В. Миной и Г.А. Клевезаль (2012); НКРЯ]. **b.** *[Минлбаева Елена Ивановна (жен, заместитель председателя землячества «Марий Эл».)] И поэ́тому ту́т на́м важны́ любы́е/ вообще́ любо́е лы́ко в строку́/ любы́е форма́ты/ кото́рые позволя́ют привле́чь молодёжь/ кото́рая позволя́ет переда́ть язы́к/ переда́ть культу́ру/ воспроизвести́ её в но́вом форма́те/ необы́чном/ приве́тствуется всё/ и э́то принима́ет/ и одобря́ет уже́ ста́ршее поколе́ние.* [Мари и удмурты в гостях у «Вечерней Москвы». Рубрика «Народы Москвы» на телеканале «Вечерняя Москва» (2017); НКРЯ].

Нормативным является ударение на первом слоге именного компонента, ср.: «строка́ в строку́, но не всякое лы́ко в стро́ку (поговорка)» [РСУ, 495]. Подобные варианты, по-видимому, обусловлены тем, что говорящие корректируют произношение компонентов идиомы в соответствии со своими акцентологическими представлениями.

Помимо фонетических трансформаций, обусловленных идиолектом говорящего, следует сказать о фонетических модификациях, возникающих в результате языковой игры, ср. два примера из акцентологического подкорпуса НКРЯ:

(5) **a**. *Сёстрам-се́рьгам*[3] *шар на ша́ру, // Се́не-Се́ну, Ро́ме-Ро́ну, // Ка́шу-Ма́ше, та́ру-ба́рам, // ма́ме-ра́му, зо́мби-зо́ну.* // [08veresk11. Размышления возле известной картины Малевича. (2009); НКРЯ].

(5) **b.** *Несу́тся ква́нтами все зна́ки и́ пункти́ры, // Полу́чит ка́ждый то́, чего́ недостаёт, // По се́рьгам — ша́пок, по́ настро́йщикам — и ли́ры // Ну что́ ж, как мо́жется тепе́рь: «Вперёд, вперёд!», // На во́дном тра́нспорте любви́ не утопи́ться, // Переворо́том неизбе́жен поворо́т, // Но балага́нчик до́ Прекра́сного домчи́тся…* [arteox. Влечёт безудержно стремительность реки (2007); НКРЯ].

В примере (5a) автор соединяет вместе созвучные антропонимы и гидронимы (*Рома* и *Рона*, *Сеня* и *Сена*), обыгрывает идиомы и коллокации (*всем сестрам по серьгам*, *на шару*), паремии (*Кашу маслом не испортишь*), прецедентные тексты (*Мама мыла раму*) и аллюзии (*зомби* и *зона* как отсылка к серии компьютерных игр «S.T.A.L.K.E.R.»). В примере (5b) языковая игра представлена в виде не только изменения ударения, но и контаминации идиом *всем сестрам по серьгам* и *по Сеньке и шапка*, а также развитием исходного образа в рамках текста. По сути, здесь комбинируются виды вариантности на фонетическом, лексическом и текстовом ярусах.

В целом вариантность идиом, традиционно понимаемая как фонетическая, на самом деле относится скорее к лексическому ярусу. В трансформациях и модификациях по созвучию происходит замена одних компонентов на другие, имеющие похожий звуковой облик. Чисто фонетическими являются варианты произносительные и акцентологические. Последние делятся на трансформации, обусловленные недостаточным знанием орфоэпической и акцентологической нормы, которое заставляет говорящего осовременивать ударение компонента, и явно игровые модификации. При этом фонетическая вариантность может комбинироваться со словообразовательной и морфологической.

Список сокращений

[3] В исходном документе НКРЯ дано ударение на *а*, нарушающее стихотворный размер.

АСРФ — Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2015.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года // http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/.

БФС — Брилева И.С., Гудков Д.Б., Зыкова И.В., Кабакова С.В., Ковшова М.Л., Красных В.В., Телия В.Н. Большой фразеологический словарь / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс, 2006.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // http://ruscorpora.ru.

РСУ — Зарва М.В. Русское словесное ударение: Словарь. Около 50 000 слов. М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2001.

ФСРЛЯ — Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель; АСТ, 2008.

Источники

Академос — Орфографический академический ресурс «Академос» // https://orfo.ruslang.ru/.

Ковшова М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. Москва: ЛЕНАНД, 2019.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп, 2007».

Cambridge — Cambridge Dictionary Online // https://dictionary.cambridge.org/.

Литература

Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1979.

Добровольский Д.О. Между лексиконом и грамматикой: о синтаксисе идиом // L Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Избранные доклады. Сер. «St. Petersburg University Studies in Social Sciences

& Humanities». Том 3 / Под редакцией В.П. Казакова. СПб., 2023. С. 85—99. DOI: https://doi.org/10.21638/11701/9785288063183.06.

Дронов П.С. Варьирование, трансформация, модификация идиом: уточнение понятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2021, № 4. С. 200—209. DOI: 10.52452/19931778_2021_4_200.

Жуков В.П. Русская фразеология: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1986.

Телия В.Н. О вариантности лексического состава идиом (В связи с проблемой соотношения «формы» и «содержания» лингвистических единиц. К постановке вопроса) // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума. Ноябрь 1968 г. / Отв. ред. В.Л. Архангельский. — Тула, 1968. С. 140—147.

Телия В.Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, 1972. С. 30—69.

Фатеева Н.А. Реализация и развертывание речевых клише как прием поэтизации прозы у В. Набокова // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 323—329.

Liberman M. Egg Corns: Folk Etymology, Malapropism, Mondegreen, ??? // Language Log, September 23, 2023 // http://itre.cis.upenn.edu/~myl/languagelog/archives/000018.html.

Accentual variants of figurative units

P.S. Dronov (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

The paper deals with the phonetic variants of figurative units (most notably, idioms), differing in either their pronunciation or phrase/word accent. Accentual differences, at least in Standard Russian, are represented by the evidence from accentual corpora on the stress variability in idiom constituents.

Keywords: figurative units, variability, phonetic variants, accentual variants.

DOI: 10.37892/2218-1393-2023-18-1-75-87

Описание языковых явлений: факты и артефакты (на материале веб-версии базы данных «Языки мира» ИЯз РАН)

А. К. Зотова, О. И. Романова (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье рассматриваются возможности представления данных о специфических языковых явлениях и анализируются причины возможных неточностей при переносе данных о языках из описаний в энциклопедическом издании «Языки мира» в формат веб-версии базы данных «Языки мира». Материал может представлять интерес для специалистов в области лингвистической типологии, формализации данных и разработки лингвистических баз данных.

Ключевые слова

Языки мира, формализованное представление данных, лингвотипологические базы данных.

База данных «Языки мира» создается на основе томов лингвистической энциклопедии «Языки мира», издаваемых Институтом языкознания РАН начиная с 1993 г. В рамках этого издательского проекта опубликованы 23 книги. Работа над созданием базы данных «Языки мира» началась с середины 1980-х гг. Об истории работы над базой данных см. [Коломацкий 2023], там же см. библиографию. За годы своего существования база данных претерпела несколько этапов усовершенствования, последние из которых связаны с адаптацией к возможностям Интернета (веб-версия).

База данных «Языки мира» является лингвотипологической, и одной из основных задач работы по ее совершенствованию и расширению является обеспечение системности и сопоставимости с международными лингвистическими стандартами. Самостоятельной и существенной задачей становится перенос данных о языках из описаний в энциклопе-

дии в базу данных в виде формализованных описаний (рефератов) с минимальными потерями и искажениями лингвистической информации.

С этой целью была оптимизирована процедура подготовки рефератов в формате *Microsoft Excel*, которая позволяет оперативно обновлять элементы анкеты — списки признаков и значений признаков, а также фиксировать лакуны в описаниях языков и классифицировать причины их появления.

Многократное поэтапное редактирование рефератов заставило более пристально присмотреться к еще одному явлению — появлению случаев *переописания* языков, то есть возникновению артефактов и механизмам их образования. В данном случае под артефактом понимается «недостоверный результат научного исследования, возникающий из-за дефектов метода исследования или ошибок экспериментатора» [БРЭ 2005, 283]. Речь идет об искажении и привнесении данных, которые появляются в результате их переноса из энциклопедии в заданную структуру формализованного реферата.

Данные о языке в том виде, в каком они представлены в энциклопедии, не всегда могут быть сведены к значениям признаков, сформулированным в списке допустимых значений, о типах значений в обновленном варианте реферата см. [Зотова и др. 2022]. Для таких случаев в списке значений предусмотрена возможность сформулировать значение признака *ad hoc*, которое фиксируется в соответствующем столбце типа значений *Custom*. Предполагается, что такие значения постепенно, по мере накопления заполненных рефератов, будут интегрированы в список допустимых значений в типе *Listed*.

В рефератах многих языков есть уникальные значения *Custom*, которые по формату значительно отличаются от допустимых вариантов. Так, в описаниях ряда иранских, дардских и других слабоизученных и фрагментарно описанных языков фонологические позиции представлены простым перечнем фонем или звукотипов без каких-либо характеристик или уточнений. Учитывая сложную соотносимость символов латинского или кириллического алфавитов с акустическим обликом фонем, их адекватная классификация по признакам реферата чревата ошибками. Чтобы избежать риска появления артефактов,

было принято решение создать типизированные варианты (прототипы) представления данных, например, фонологических — о вокализме в позициях A-1 — A-3 и консонантизме в позициях A-10 — A-21. Принцип состоит в том, чтобы в начале каждого нового блока реферата (фонология, морфонология, морфология и т.д.) описать нужный признак с помощью значения *Custom* (при необходимости в сочетании с уточнением в поле «Комментарий»):

— A-1: Количество степеней подъема *Custom*: Список из *N* гласных фонем по количеству степеней подъема терминологически не интерпретируется;

— A-3: Ряды гласных *Custom*: Список из *N* гласных фонем по признаку ряда терминологически не интерпретируется.

В случаях, когда характеристика имеет количественное выражение, например, «A-4: Фонологические ступени долготы — A-4-2: Две», прототипическим становится выбор из списка допустимых значений *Listed* с уточнением в поле «Комментарий»: «Фонологический статус противопоставления гласных по долготе неясен» (бóльшая часть примеров в статье основана на материале дардских языков, в данном случае приведен пример из языка тирахи) [Языки мира 1999a]. При отсутствии количественных данных используется тип значения *Custom*: «Есть долгие и краткие гласные» + «Комментарий»: «Фонологический статус долгих гласных неясен» (калаша, пашаи).

Список допустимых значений в идеальном случае должен содержать значение «Явление *X* отсутствует». В случае, когда такого значения нет, возникает необходимость ввести его с помощью типа значения *Custom*, иногда дополняемого комментарием. Например, в позиции «H-7 Маркирование зависимого имени в генитивной конструкции» в случае отсутствия в языке генитива необходимо с помощью *Custom* ввести значение «Генитив отсутствует», т.к. в списке допустимых значений присутствуют только значения «маркированное» и «немаркированное», что имплицитно свидетельствует о наличии генитива как такового (кашмири, шина, кховар).

Еще один тип неоднозначных контекстов представлен ситуациями отсутствия в языке описываемого грамматического явления, что делает невозможным выбор ни одного из допустимых значений. Например, позиция реферата «К-10: Грамматические категории, выражаемые наречием» предполагает выбор из значений: «К-10-1: Отсутствуют» и «К-10-2: Степень сравнения». В языках, где наречие отсутствует как часть речи, выбор первого из этих значений чревато появлением артефакта и искажением реальной ситуации. Решением становится введение значения «Наречие отсутствует» через тип значения *Custom* (сави).

Позиция К-10 является единственной в реферате, где может быть описано наречие. В случае, когда в статье оговаривается, что данные о наречии неполны, выбор типа значения *Not stated* ведет к появлению привнесенной информации об отсутствии наречия в принципе. В этом случае решением является выбор типа значения *Explicit gap* в сочетании с комментарием: «О наречиях имеются лишь отрывочные данные» (пхалура) либо типа значения *Custom*: «Наречие отсутствует» с комментарием: «Функции наречия выполняют прилагательные» (майян).

Существуют ситуации, при которых выбранное допустимое значение не описывает явление полностью и без комментария приобретает статус артефакта. Например, в языке кашмири в позиции «К-13: Атрибутивное согласование прилагательных» допустимое значение «Всегда присутствует» в целом адекватно характеризует реальное положение вещей, потому что изменяемые прилагательные в атрибутивной синтагме согласуются с определяемым по роду, числу и падежу. Однако в этом языке есть группа неизменяемых прилагательных, и существование такой группы нужно оговорить в комментарии: «Есть изменяемые и неизменяемые прилагательные».

Причина неопределенности при выборе типа значения важна для анализа и адекватного представления данных в реферате. Добавлять значения в список *Custom* и создавать комментарий необходимо в случаях, когда текст описания не содержит однозначного указания на наличие или отсутствие явления или допускает несколько вариантов ин-

терпретации данных. Например, в позиции «A-6: Противопоставление гласных по назализации» для дардских языков нет возможности выбрать ни тип значения *Not stated*, ни значение из списка *Listed* «A-6-1: Противопоставление гласных по назализации отсутствует» либо какое-то другое допустимое значение, поскольку для этого недостаточно информации (дамели, калаша). В подобном случае через *Custom* вводится значение: «Есть назализованные и неназализованные гласные» со следующим текстом в комментарии: «Фонологический статус назализации гласных неясен».

Достаточно частой и более сложной для принятия решения является ситуация, когда выбор затруднен отсутствием не только эксплицитного описания явления или примеров в статье энциклопедии, но и иллюстраций в виде парадигм (несмотря на то, что парадигмы предусмотрены типовыми схемами статей и рекомендациями для авторов энциклопедии). К таким случаям относится заполнение позиции «K-6: Количество типов спряжения глаголов», для которой возможен выбор типа значения *Not stated* или «K-6-1: Единый тип», на том основании, что не указано противного (кховар, пхалура).

К особому типу контекстов относятся ситуации, когда описание не содержит однозначного указания на наличие или отсутствие явления. Такие контексты допускают возможность двоякой интерпретации данных в формате реферата: либо признать отсутствие в языке соответствующего явления, либо отметить отсутствие данных о нем в статье. Например, в описании языка шумашти нет прямого указания на наличие/отсутствие противопоставления гласных по признаку лабиализации. Во избежание возникновения артефакта в позиции «A-5: Противопоставление гласных по лабиализации» более корректным представляется выбор типа значения *Not stated*, а не допустимого значения «A-5-1 Противопоставление гласных по лабиализации отсутствует» из списка *Listed*. В противном случае отсутствие данных может восприниматься как отсутствие в языке явления.

С задачей разграничивать при наполнении базы данных отсутствие сведений в описании и отсутствие явления в языке сталкиваются также и разработчики морфосинтаксической базы данных *Grambank* [Skirgård, Haynie, Blasi et al. 2023] — международно-

го проекта, существующего под эгидой *Max Planck Institute* (*Leipzig*)[1]. В реферате базы данных «Языки мира» среди типов значений есть тип значения *Not stated*, аналогичный значению *Not mentioned* в анкете *Grambank*. Если вместо выбора этого типа значения выбрать значение «Отсутствует» из списка *Listed*, то ему в анкете *Grambank* соответствует значение *No category*. В формулировке участников проекта *Grambank* это проблема обозначается как *absence of evidence vs. evidence of absence* [Lesage, Haynie, Skirgård, Weber, Witzlack-Makarevich 2022, 2885].

Особой масштабной проблемой является расхождение между принятой в реферате и традиционной для конкретной описательной традиции классификацией языковых явлений. Речь идет прежде всего о фонологии. Например, для иранских [Языки мира 1999б], а также для нуристанских [Языки мира 1999а] и дардских языков принята принципиально иная классификация согласных, чем для большинства других индоевропейских языков. Так, классификация согласных в позиции «A-12: Инвентарь шумных согласных по способу артикуляции» предусматривает значение «A-12-3: Взрывные, фрикативные и аффрикаты». Термин *взрывные* является гипонимом по отношению к термину *смычные*. В описаниях иранских, дардских и нуристанских языков используется только термин *смычные*. Поэтому предлагается ввести этот термин в классификацию шумных согласных через тип значения *Custom*: «Смычные, фрикативные и аффрикаты». Но даже такое уточнение не отражает специфику и полноту классификации консонантизма в обсуждаемых языках. Поэтому она приводится в поле «Комментарий» с сохранением типичной для описаний этих языков схемы, например: «Смычные: чистые (неносовые и носовые), аффрикаты (одно- и двухфокусные) и щелевые: однофокусные (срединные и боковые) и двухфокусные» (кашмири).

Следует обратить внимание, что сонорные в дардских языках классифицируются как смычные и фрикативные (дамели, гарви и др.) или смычно-проходные (шина). Принятая в реферате и совпадающая с общепринятой классификация сонорных в позиции

[1] Адрес базы данных: https://grambank.clld.org/; https://github.com/grambank/grambank.

«A-19: Инвентарь сонорных согласных по способу артикуляции» включает в себя допустимое значение «A-19-6: Назальные, плавные, вибранты и глайды». В статьях о дардских языках сонорные интерпретируются иначе, что отражается в комментарии: «Назальные определяются как смычные чистые носовые, плавные — как щелевые боковые. Глайды /w/ и /y/ определяются как щелевые срединные однофокусные согласные» (гавар, гарви, калаша, кховар и подавляющее большинство других дардских языков).

Этот и целый ряд подобных примеров свидетельствуют о дилемме, которая встает перед составителями рефератов при переносе данных из оригинальных текстов статей энциклопедии в реферат: с одной стороны, не потерять термины, использованные в статье, а с другой стороны — интерпретировать языковые явления в терминах, принятых в типологической базе данных. При составлении очерков в энциклопедии авторы пользовались т. н. типовыми схемами описания языков и рекомендациями по использованию терминологии. Несмотря на это, унифицировать описания в достаточной степени не удалось: каждая из статей несет на себе следы авторских методики и стиля, времени написания, описательной традиции и школы. Для того, чтобы не терять и не искажать языковую информацию при составлении реферата, оптимальным представляется использовать поле «Комментарий». В этом поле может размещаться широкий диапазон данных различной степени детализации — например, ограничения при реализации языкового явления. Так, редкое употребление в языке шумашти форм множественного числа существительных с числительными в позиции «G-5: Форма имен после числительного» при выборе допустимого значения «G-5-3: Единственное и множественное» оговаривается в комментарии: «Существительные редко выражают мн. число». Подобное ограничение снимает риск артефакта в виде обобщения этого явления. «Комментарий» может также служить средством интерпретация специфической терминологии с целью «умеренной унификации» [Коломацкий 2023].

Комментарий сообщает необходимую гибкость переводу данных из энциклопедической статьи в формат реферата. Его содержание специальным образом не регламентируется, но может быть типизировано следующим образом.

— Комментарий общего типа, например, сведения о месте языка среди близкородственных идиомов в случае, когда полномасштабная лингвистическая характеристика языка не приводится, в первую очередь, из-за недостатка данных. Такова, например, ситуация с дардским языком нингалами, для которого дается лишь отсылка к представленным в соответствующем томе описаниям близкородственных языков шумашти, говар и, особенно, глангали.

— Специфический комментарий, который уточняет значение термина-гиперонима, используемого в наименовании признака. Таковы комментарии к позиции «F-1: Количество согласовательных классов» в языках, имеющих категорию грамматического рода. Например, большинство дардских языков имеют два рода, мужской и женский. При отмеченном допустимом значении признака «F-1-2: Два» комментарий содержит следующий текст: «Различаются мужской и женский род».

— Уточняющий, или ограничительный, комментарий. Комментарии такого типа содержат ограничения для выбранного значения из списка допустимых. Например, в позиции «G-4: Атрибутивное согласование по числу» при выборе значения «G-4-4: Предикативное и атрибутивное» комментарий выглядит следующим образом: «Атрибутивное согласование по числу ограничено указательными местоимениями» (гавар; прилагательные в этом языке не имеют категории числа). Или в позиции «G-5: Форма имен после числительного» для языка майян при выбранном допустимом значении: «G-5-3: Единственное и множественное» употребление форм множественного числа уточняется фразой: «Часть существительных не имеет категории числа» в комментарии.

Термины, употребляемые в реферате для определения категорий и значений признаков, чаще всего имеют форму множественного числа, поскольку грамматическая категория как правило имеет более одной граммемы. Комментарий позволяет избежать иска-

жения информации в случаях, когда в языке присутствует лишь один элемент соответствующей категории. Так, при выбранном значении «A-14-2: Билабиальные и лабиодентальные» из числа шумных губных согласных для языка гарви комментарий позволяет уточнить, что в нем есть только один, глухой, лабиодентальный согласный. Для языка катаркалаи при отмеченном значении «A-19-6: Назальные, плавные, вибранты и глайды» в позиции «A-19: Инвентарь сонорных согласных по способу артикуляции» оговаривается наличие единственного глайда /y/. То же самое справедливо по отношению к артиклям в ряде кельтских (валийский, ирландский) и славянских (болгарский и македонский) языках, в которых есть только определенный артикль, и некоторых дардских (тирахи) и иранских (белуджский, талышский) языках, в которых есть только неопределенный артикль.

— Комментарий относительно употребления и синонимии терминов. Применяется для характеристики языкового явления и представления терминологии, принятой в соответствующей статье энциклопедии в случае, если она отличается от принятой в реферате. Примером синонимии и уточнения специфической терминологии, которая варьирует в различных школах, является термин *церебральные* (согласные) в описаниях иранских и дардских языков и его синонимы *ретрофлексные* в традиции описания дравидийских (тамильский, малаялам, телугу, колами и др.) [Языки мира 2013] и некоторых германских (шведский) [Языки мира 2000] языках. В германистике этот термин употребляется наряду с термином *какуминальные* (норвежский). Также, интерпретация назальных сонорных как смычных, а латеральных и глайдов — как фрикативных, принятая для дардских и иранских языков, поясняется в комментарии к признаку «A-12: Инвентарь шумных согласных по способу артикуляции». Без подобного комментария очевиден риск появления артефактов, связанных с набором допустимых значений в реферате, где к шумным согласным относятся смычные, фрикативные и аффрикаты, а сонорные выделяются в отдельную позицию «A-19: Инвентарь сонорных согласных по способу артикуляции» с традиционной классификацией на назальные, плавные, вибранты и глайды.

— Комментарий, поясняющий причину отсутствия данных. Такой тип комментария приводится в комбинации с типом значения *Explicit gap*, который используется, когда в статье явно сказано, что данных нет. Комментарий имеет вид цитации в формулировке, приведенной автором статьи. Например, для позиции реферата «N-1: Линейный порядок компонентов в сложном предложении» комментарий становится единственным полем, где можно сохранить имеющиеся в тексте статьи сведения, которые могут оказаться существенными: «Сложное предложение не изучено» (гарви) или: «В зафиксированном тексте нет сложных предложений. Предполагается, что сложное предложение развито слабо» (торвали).

Основной целью данной статьи является выявление ситуаций, в которых вероятнее всего возможно появление типичных артефактов — искажения языковых реалий при необходимости выбирать то или иное значение в формате реферата, где они сформулированы в виде дихотомии или дизъюнкции. Предлагаемые варианты решений можно использовать в качестве прототипов при заполнении рефератов однородных массивов текстов, например, статей одного автора или описаний конкретной группы/семьи языков на основе единой методологии. Это поможет унифицировать процедуру составления рефератов.

Подводя итоги, следует отметить, что создание рефератов не сводится к автоматическому переносу данных из статей энциклопедии «Языки мира» в формат типологической базы данных. Он включает в себя расширенный поиск данных во вводных статьях каждого из томов, анализ терминологии, принятой в конкретных описательных традициях и школах, вплоть до индивидуальных особенностей стиля авторов статей. Не всегда грамматическая информация лежит на поверхности и находится в ожидаемом разделе типовой схемы статьи. Нередки случаи, когда, например, при перечислении состава частей речи некоторые из них не называются, но характеризуются с точки зрения формы и функций в дальнейшем описании. Особенно ответственной задачей для заполняющих реферат является необходимость извлекать данные с помощью анализа примеров. Так, в

реферате на основании статьи «Древненовгородский диалект» [Языки мира 2017, 469 — 475] в позиции «N-5: Тип связи между элементами сложного предложения» нет возможности выбрать ни одно из допустимых значений *Listed*, но на основании одного из примеров следует, что союзная связь в диалекте существовала. В реферате это отражается с помощью дополненного значения в тип *Custom*: «Союзная». Это убеждает нас в том, что языковые примеры должны подвергаться тщательному анализу, чтобы выявлять сведения о не описанных явным образом грамматических явлениях с достаточным основанием и без опасений порождения артефактов.

Степень стандартизации представления языковых данных в разных томах и статьях энциклопедии, несмотря на усилия редакторов, бывает различной. В ряде случаев своеобразие представления данных и используемой при описании языка терминологии обусловлены конкретной описательной традицией. Эти обстоятельства, на наш взгляд, не должны рассматриваться как недостаток энциклопедии. Напротив, такие случаи иллюстрируют своеобразие конкретной описательной традиции и могут служить источником данных для историков языкознания. Описания, которые на сегодняшний день могут показаться устаревшими, остаются материалом для изучения конкретных лингвистических традиций [Коломацкий 2023]. Для лингвистов-типологов информация в базе данных, равным образом как ее отсутствие, может указать пути новых направлений изысканий.

Список сокращений

БРЭ —Большая Российская Энциклопедия (в 30 т.). М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2005. Т. 2. Анкилоз — Банка. — С. 283 // https://old.bigenc.ru/biology/text/1832035.

Литература

Зотова А.К., Романова О.И. «Свой» среди «чужих», или Потенциал термина в системе (на материале терминологии новой версии базы данных «Языки мира» ИЯз РАН) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник

научных статей. Электронное научное издание. М.: ИЯз РАН, 2021. Выпуск 14, №1. С. 27—48. DOI: 10.37892/2218-1393-2021-14-1-27-48.

Зотова А.К., Коломацкий Д.И., Романова О.И. Значимое отсутствие: лакуны в описании языков (на материале базы данных «Языки мира» ИЯз РАН) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. М.: ИЯз РАН, 2022. Выпуск 16, №1. С. 20—38. DOI: 10.37892/2218-1393-2022-16-1-20-38.

Коломацкий Д.И. Summa Typologiae: База данных «Языки мира» и дилемма формализованного описания языков. М., 2023 (в печати).

Языки мира 1999а — Языки мира: Дардские и нуристанские языки. М.: Индрик, 1999.

Языки мира 1999б — Языки мира: Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М.: Индрик, 1999.

Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. М.: Academia, 2000.

Языки мира: Дравидийские языки. М.: Academia, 2013.

Языки мира: Славянские языки (изд. 2-е, испр. и доп.). СПб.: Нестор-История, 2017.

Lesage J., Haynie H.J., Skirgård H., Weber T., Witzlack-Makarevich A. Overlooked Data in Typological Databases: What Grambank Teaches Us About Gaps in Grammars // Proceedings of the 13th Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2022). Marseille, 2022. Pp. 2884—2890.

Skirgård H., Haynie H.J., Blasi D.E., Hammarström H., Collins J., Latarche J.J., Lesage J., Weber T., Witzlack-Makarevich A., Passmore S., Chira A.M., Maurits L., Dinnage R., Dunn M., Reesink G., Singer R., Bowern C., Epps P.L., Hill J., Vesakoski O., Robbeets M., Abbas N.K., Auer D., Bakker N.A., Barbos G., Borges R.D., Danielsen S., Dorenbusch L., Dorn E., Elliott J., Falcone G., Fischer J., Ate Y.G., Gibson H., Göbel H.-P., Goodall J.A., Gruner V., Harvey A., Hayes R., Heer L., Miranda R.E.H., Hübler N., Huntington-Rainey B.H., Ivani J.K.,

Johns M., Just E., Kashima E., Kipf C., Klingenberg J.V., König N., Koti A., Kowalik R.G.A., Krasnoukhova O., Lindvall N.L.M., Lorenzen M., Lutzenberger H., Martins T.R.A., German C.M., van der Meer S., Samamé J.M., Müller M., Muradoglu S., Neely K., Nickel J., Norvik M., Oluoch C.A., Peacock J., Pearey I.O.C., Peck N., Petit S., Pieper S., Poblete M., Prestipino D., Raabe L., Raja A., Reimringer J., Rey S.C., Rizaew J., Ruppert E., Salmon K.K., Sammet J., Schembri R., Schlabbach L., Schmidt F.W.P., Skilton A., Smith W.D., de Sousa H., Sverredal K., Valle D., Vera J., Voß J., Witte T., Wu H., Yam S., 葉婧婷 J.Y., Yong M., Yuditha T., Zariquiey R., Forkel R., Evans N., Levinson S.C., Haspelmath M., Greenhill S.J., Atkinson Q., Gray R.D. Grambank reveals the importance of genealogical constraints on linguistic diversity and highlights the impact of language loss // Science Advances, Vol. 9, Issue 16 (19 Apr 2023). DOI: 10.1126/sciadv.adg6175.

Description of Linguistic Data: Facts and Artefacts (“Languages of the World” Database, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

A.K. Zotova, O.I. Romanova

(Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

The article examines the possibilities of specific language phenomena presentation and the causes of inaccuracies when transferring linguistic data from the encyclopedia edition "Languages of the World" to the web-version of the "Languages of the World" typological database. The material is intended for those interested in linguistic typology, data formalization and the development of linguotypological databases.

Keywords: languages of the world, linguistic data formalization, linguotypological databases.

DOI: 10.37892/2218-1393-2023-18-1-88-113

Сравнительно-сопоставительный анализ дискурсивных единиц

Е. Р. Иоанесян (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Объектом исследования являются дискурсивные единицы — неоднословные идиоматичные реплики, которые произносятся в ответ на слова собеседника. В работе представлены дискурсивные формулы согласия и подтверждения, несогласия и отрицания, удивления, возмущения с пропозициональными предикатами. Интерес к дискурсивным формулам обусловлен их важной ролью в устной коммуникации, а также тем, что в значительной степени эти единицы являются лингвоспецифичными. На материале нескольких языков рассматриваются различия в структуре дискурсивных формул, многие из которых также и лингвоспецифичны. Новизна и актуальность исследования определяются его принадлежностью к области семантической типологии.

Ключевые слова

Семантика, речевые акты, устная коммуникация, дискурсивные формулы, пропозициональные предикаты, лингвоспецифичность, семантическая типология.

I. Вводные замечания

Наша работа относится к кругу проблем, связанных с речевыми актами. Эта проблематика, как известно, давно находится в центре внимания философов и лингвистов (см. [Fillmore et al. 1988; Fillmore et al. 2012; Grice 1991; Searle 1976; Vendler 1967 и др.]). В настоящее время особенный интерес ученые разных стран проявляют к дискурсивным маркерам (см, например, [Баранов и др. 1993; Бычкова 2020; Жукова и др. 2019; Рахилина и др. 2021; Onodera 2011; Salgueiro 2010, Кустова 2012 и др.]). Дискурсивные формулы (дискурсивы) это «языковые единицы за пределами речевого акта, а именно, специальный класс идиоматичных ответных реплик» [Рахилина и др. 2021, 7], отражающих «про-

цесс взаимодействия говорящего и слушающего» [Баранов и др., 1993, 7]. Например, рус. *Вот еще!, Не то слово!, Само собой!, Ну еще бы* и др. Наша задача состояла в представлении одного подкласса дискурсивов — дискурсивных формул, в основе которых лежат пропозициональные предикаты, например, *<И> не говори!*; *Даже не думай!, Не скажите!* и т.д. Выбор в качестве объекта рассмотрения пропозициональных единиц не случаен: «Семантика пропозициональных глаголов хорошо подходит для формирования иллокутивов На следующем шаге эволюции многие иллокутивы превращаются в дискурсивы И здесь опять наиболее широкое представительство имеют пропозициональные глаголы [Кустова 2012, 357, 363—364].

Новизна проведенного нами исследования определяется тем, что в работе на материале нескольких языков рассматриваются аналогии и различия в структуре рассматриваемых дискурсивных формул этих языков.

Важность и актуальность изучения дискурсивных формул обусловлена большой ролью дискурсивов в процессах устной коммуникации, важность их исследования определяется также тем, что в значительной степени они являются лингвоспецифичными. Изучение дискурсивных выражений в разных языках имеет важное значение для семантической типологии.

В качестве материала исследования были использованы данные электронных языковых ресурсов, одноязычных, многоязычных и толковых словарей (см. список источников). Методологической базой нашей работы послужили исследования наших ведущих отечественных специалистов по проблематике, связанной с речевыми актами, иллокутивами и дискурсивами, в первую очередь — А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [Баранов и др. 2014], Г. И. Кустовой [Кустова 2012], Е.В. Рахилиной, П.А. Бычковой и С.Ю. Жуковой [Рахилина и др. 2021], И.А. Шаронова [Шаронов 2018]. В работах наших коллег приводятся списки и толкования иллокутивных и дискурсивных единиц конкретных языков. В нашей работе мы попытались проанализировать различия в структуре дискурсивных формул разных языков, а также представить лингвоспецифичные дискурсивные

формулы. В качестве объекта описания были выбраны формулы согласия и подтверждения, несогласия и отрицания, удивления.

II. Различия в структуре дискурсивных формул в разных языках

Мы выделяем два вида различий в структуре, внутренней форме дискурсивных формул: **1**. Одно и то же значение в языках L_1 и L_2 реализуется в разных по внутренней форме выражениях. **2**. Дискурсивы в языках L_1 и L_2, схожие по внутренней форме, различаются своими значениями.

II.1. Одно и то же значение в языках L_1 и L_2 реализуется в разных по внутренней форме выражениях.

В качестве примера рассмотрим французскую формулу согласия и подтверждения ***À qui le dites-vous*** / ***à qui le dis-tu!***. (букв. ‘кому вы это говорите / кому ты это говоришь’): «***À qui le dites-vous*** / ***à qui le dis-tu!*** (1797). Expression exclamative qu’une personne emploie pour confirmer et renforcer ce qui vient d’être exprimé par un interlocuteur, en impliquant qu’il connaît parfaitement la question, qu’elle a éprouvé ce dont il s’agit» [RC, 283][1] ‘Восклицательное выражение, которое используется говорящим для подтверждения и усиления того, что было высказано собеседником, и которое подразумевает, что говорящий сам прекрасно знает, о чем говорит его собеседник, что он испытал это на себе’.

В русском языке это выражение по своему значению приблизительно соответствует другой по своей структуре дискурсивной формуле — *И не говори!* / *и не говорите!*, являющейся формой подтверждения и негативной оценки ситуации, о которой идет речь [Рахилина 2021, 17][2]: «*à qui le dis-tu!* (*dites-vous*) *fam.* И не говори(те)» [ГрГр, 225]. Примеры из художественной литературы: (**а**) *Oh! la, la, mais tu es flapi, mon pauvre vieux! — **À qui le dis-tu!** Oh, ces lendemains de noce!...* (*G. Feydeau, La Dame de chez Maxim*). — *Ого, старина, ты выглядишь совсем измученным! — **И не говори!** Ох уж эти первые послесвадебные дни!* [НКРЯ]. (**б**) *Je… C’est une horreur ce qui s’est passé ici. — **À qui le dites-***

[1] Здесь и далее толкования и примеры из толковых и двуязычных словарей приводятся в том виде, в каком они представлены в этих изданиях.

[2] Следует оговорить, что Г.И. Кустова относит формулу подтверждения *и не говори* / *и не говорите* к иллокутивам [Кустова 2012, 357].

vous. *On ne sait toujours pas ce qui est arrivé à la fille* (Joël Dicker. La Vérité sur l'Affaire Harry Quebert (2012)). *— Я… Это такой кошмар, то, что здесь произошло. —* ***И не говорите****. До сих пор никто не знает, что случилось с девочкой* [Там же]. (**в**) франц. Je peux vous renseigner, Monsieur? lui demanda Jenny. Vous avez l'air perdu. — Je… C'est une horreur ce qui s'est passé ici. — **À qui le dites-vous**. On ne sait toujours pas ce qui est arrivé à la fille. Elle est si jeune! Elle n'a que quinze ans (Joël Dicker. La Vérité sur l'Affaire Harry Quebert (2012)). — Могу я вам чем-нибудь помочь? — обратилась к нему Дженни. — У вас растерянный вид. — Я… Это такой кошмар, то, что здесь произошло. — **И не говорите**. До сих пор никто не знает, что случилось с девочкой. Она такая молоденькая! Всего пятнадцать лет [там же]. Таким образом, одно и то же значение — согласие и подтверждение — в русском и французском языках реализуется в разных по внутренней форме формулах.

Русской формуле согласия и подтверждения *<И> не говори!* / *<И> не говорите!* во французском языке соответствуют также другие, отличающиеся по своей структуре выражения:

(1) *Tu l'as dit!* / *vous l'avez dit!* (букв. 'ты это сказал / вы это сказали!'). «fam. *Tu l'as dit* (marque l'approbation)» [DCLF II, 83], 'разг. маркирует согласие, одобрение'. «*Tu l'as dit!* / *vous l'avez dit!* Marque d'approbation («tu as [vous avez] bien raison; c'est bien vrai)» [RC, 284], 'знак согласия, одобрения (ты совершенно прав/вы совершенно правы, это действительно так)'. «*Tu l'as dit fam.* это точно, твоя правда; вот именно: — C'est vraiment extraordinaire. — Tu l'as dit, oui (B. Clavel. La maison des autres)» [ГрГр, 225]. «*Vous l'avez dit!* вот именно, ваша правда. *La Patronne*. — Ah! Oui! Oui, **vous l'avez dit**, le coeur c'est traître, il vaut mieux déranger le médecin pour rien. Il vaut mieux en avoir le coeur net (*P. Courtade, «Une Affaire de coeur*»). Хозяйка: Да, да, ваша правда! Сердце — предательская штука, лучше уж при каждом пустяке звать врача, чтобы быть спокойным» [БФРС, 356]. Пример из художественной литературы: *Патронов жалко на ее, — вмешался Толик. —* ***Не говори****, — согласился Михал Иваныч, — я ведь и руками задушу, если надо*

(Сергей Довлатов. Заповедник (1983)). *Elle vaut pas les balles pour l'abattre, intervient Tolik. —* ***Tu l'as dit****, renché-rit Mikhaïl Ivanytch. Je pourrais l'étrangler à mains nues au besoin* [НКРЯ].

(**2**) *Ne m'en parlez pas!* (букв. 'не говорите мне об этом'). Пример из художественной литературы: *Oui…, dit-elle, vous soulagez toutes les misères. —* ***Ah! ne m'en parlez pas****, madame Bovary! Ce matin même, il a fallu que j'aille dans le Bas-Diauville pour une vache qui avait l'enfle; ils croyaient que c'était un sort* (Gustave Flaubert. Madame Bovary (1857)). *Да… — сказала она. — Вы утешаете во всех скорбях. —* ***Ах, и не говорите****, госпожа Бовари! Не далее как сегодня утром мне пришлось идти в Ба-Дьовиль из-за коровы: ее раздуло, а они думают, что это от порчи* [НКРЯ].

(**3**) Формула ***tu parles! / tu parles que X!*** ('ты говоришь' / 'ты говоришь, что X'), произносимая с подъемом тона, маркирует согласие, однако, в отличие от русской формулы *не говори*, являющейся формой подтверждения и негативной оценки ситуации, о которой идет речь, она может использоваться и в случае положительной или нейтральной ее оценки: «*c'est un bon élève? — Tu parles! Il est toujours le premier*. — Он хороший ученик? — Ещё бы! Круглый отличник» [ГТ, 712]. «Réagissant spontanément à un énoncé α de l'interlocuteur, le locuteur signale qu'il appuie de façon décidée α ou la proposition X qu'il dégage de α et insiste sur la vêrité de α ou de X, l'affectant émotionnellement. (a) *A: Marie veut vendre sa voiture trop chère*. B: ***Tu parles!*** *C'est bien ce que je lui ai dit*. (b) A: *Cette fille me rappelle Marie*. B. ***Tu parles!*** *On dirait que c'est elle*» [DEC I, p. 337—338]. 'Реагируя на высказывание α своего собеседника, говорящий эмоционально выражает полное согласие с этим утверждением или пропозицией X, вытекающей из этого утверждения. (а) А: Мари хочет слишком большую цену за свой автомобиль. Б: **И не говори!** Я ей так и сказал'. (б) А: Эта девушка похожа на Мари. Б: **Не то слово**! Как будто это она сама'. Пример из художественной литературы: (**а**) *Но теперь, если хочешь, Голдовский вызывает у меня куда больше уважения.* ***Еще бы!*** *— Все его нынешние рассуждения от излишнего честолюбия* (Алексей Варламов. Лох (1995)). франц. Mais maintenant, crois-moi, Goldovski m'inspire

beaucoup plus de respect. — **Tu parles!** Tout ce qu'il raconte maintenant, c'est parce qu'il est trop fier [НКРЯ].

(**4**) Формула согласия *je comprends* / *je comprends que X!* с пропозициональным глаголом *comprendre* 'понимать' ('я понимаю' / 'я понимаю, что X') и не говори! я думаю!, еще бы! «Réagissant spontanément à un énoncé α de l'interlocuteur, le locuteur signale qu'il confirme de façon décidée la proposition X qu'il dégage de α, l'affectant émotionnellement». (a) A: *La librairie que Durand a ouverte est vraiment belle.* — B: ***Je comprends*** (b) A: *Il faut absolument laver le plancher aujourd'hui. Il est sale*. — B: *Ah,* ***je comprends*** *qu'il est sale* [3]. (c) A: *Marie est très riche*. B. ***Je comprends***»», [DEC IV, 256], 'Реагируя на высказывание α своего собеседника, говорящий эмоционально сообщает, что он полностью согласен с высказанным его собеседником мнением. (а) А: Книжный магазин, который открыл Дюран, совершенно замечательный! — Б: **Не то слово!** (б) А: Совершенно необходимо вымыть пол сегодня, он очень грязный. — В: **Да уж**' (в) А: Мари очень богата! — В: **Еще бы!**'.

Другие примеры: *Je comprends!* 'я думаю! еще бы!' *Il est beau, n'est-ce pas? — S'il est beau? Je* ***comprends****! C'est moi qui l'ai peint!*» [ГрГр, 160]; 'Он прекрасен, не правда ли? — Прекрасен? Еще бы! Это я его нарисовал!'.

(**5**) Формула *je te* / *vous crois* 'я тебе / вам верю', *je* (*le*) *crois bien* 'охотно верю'. «fam. Еще бы, конечно» [ГрГр, 193]; «Réagissant spontanément à un énoncé α de l'interlocuteur, le locuteur signale qu'il est tout à fait d'accord avec la proposition qu'il dégage de α, l'affectant émotionnellement. (**a**) A: *Il fait chaud dans cette piéce.* — B: ***Je te crois****. Ouvre doncc la fenêtre, si ti peux.* (**b**) A: *Durand est un bon* comédien. — B. *Je te crois*» [DEC IV, 257]. 'Реагируя на высказывание собеседника α, говорящий эмоционально выражает полное согласие с высказанным его собеседником суждением. (**а**) А: В этой комнате очень жарко. — В: **И не гов:ори**. Открой, если можно, окно'. (**б**) А: Дюран прекрасный комедийный актёр. — В **Еще бы!**'. **П**римеры из художественной литературы: (а) *Mais vous*

[3] Во французском оригинале использована матричная конструкция *je comprends que* – 'я понимаю, что'.

*m'attrapez, monsieur, dit le Commis-Voyageur, ceci est du vin de Madère, vrai vin de Madère. — **Je le crois bien**, dit le fou. L'inconvénient du vin de Vouvray, monsieur, est de ne pouvoir se servir ni comme vin ordinaire, ni comme vin d'entremets; il est trop généreux, trop fort; aussi vous le vend-on à Paris pour du vin de Madère en le teignant d'eau-de-vie* (Honoré de Balzac. L'illustre Gaudissart (1832)). Вы меня провели, сударь, — сказал коммивояжер, ведь это мадера, настоящая мадера! — **Еще бы**, — сказал сумасшедший. — Недостаток вуврейского вина в том, сударь мой, что оно и не простое вино и не десертное; оно слишком благородно, слишком крепко; поэтому в Париже вам продают его за мадеру, подбавив в него водки [НКРЯ]. (**б**) *De chez un lapin nommé Margaritis. Mitouflet jeta successivement à sa pratique deux regards pleins d'une froide ironie.— C'est juste, le bonhomme en sait long! Il en sait trop pour les autres, ils ne peuvent pas toujours le comprendre… — **Je le crois**, il entend foncièrement bien les hautes questions de finance* (Honoré de Balzac. L'illustre Gaudissart (1832)). — У тонкой бестии, у некоего Маргаритиса. Митуфле иронически и холодно взглянул на постояльца. — Правильно, это человек тонкий и очень знающий, такого не всякий поймет. — **Еще бы!** Он прекрасно разбирается в самых сложных финансовых вопросах [Там же]. **(в)** *Ах, не напоминайте мне, Азазелло! Я была глупа тогда. Да, впрочем, меня и нельзя строго винить за это — ведь не каждый же день встречаешься с нечистой силой! — **Еще бы**, — подтверждал Азазелло, — если бы каждый день, это было бы приятно!* (Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929-1940)). — Ah! ne m'en parlez plus, Azazello, j'étais bête, à ce moment-là. D'ailleurs, il ne faut pas me juger trop sévèrement: ce n'est pas tous les jours qu'on rencontre un esprit malin! — **Je vous crois!** confirma Azazello. Et si c'était tous les jours, ce serait bien agréable! [Там же].

(**6**) Формула *je ne dis pas* — 'я не говорю': «я не спорю, это все так» [ГрГр, 225]. В словаре [RC, 284] уточняется, что эта формула согласия, сопровождаемого, тем не менее, некоторым сомнением: «Phrase elliptique qui correspond à une acceptation hésitante». Пример из художественной литературы: *Le chapelier murmurait: — Ah! oui, de cette façon, **je***

ne dis pas… (Zola, Emile / L'Assommoir). — *Да, если так, то* ***конечно****… — пробормотал шапочник* [ABBYY].

(**7**) «*Je ne te* (ou *vous*) *le fais pas dire*, вот именно, так и есть» [ГрГр, 225]. *Je ne te/vous le fais pas dire* — 'я не заставлял тебя/вас это говорить'. «*Je ne vous le fais pas dire* «vous venez de m'apporter un argument sans que je le sollicite»; «la chose est vraie, juste, puisque vous l'admettez vous-même»» [RC, 284], ≈ '*Je ne vous le fais pas dire.* Вы сами, без моей просьбы, представили мне аргумент; это утверждение верно, поскольку вы сами соглашаетесь с ним'. Пример из художественной литературы: *Tout ceci est très étrange. —* ***Je ne vous le fais pas dire****, sergent. Et je vous confirme que quelqu'un savait, à l'époque, pour Harry et Nola* (Joël Dicker. La Vérité sur l'Affaire Harry Quebert (2012)). — Все это очень странно. — **Вы же сами видите**, сержант. И я вам точно говорю: еще тогда кто-то знал про Гарри и Нолу [НКРЯ].

(**8**) Формула *tu penses, vous pensez* — 'ты думаешь!', 'вы думаете!': «*tu penses!* (*vous pensez!*) (a) еще бы!, точно!, конечно!, правильно!, так и есть!» [ГрГр, 441]. «À la forme exclam.; dans un propos rapporté au style dir., sert à renforcer ou constitue une affirm.]. Synon. de *tu parles*, en effet, évidemment, bien sûr!» [TR], 'в восклицательной форме, в прямой речи служит для усиления, подтверждения того, что было сказано. Синоним выражения *tu parles*, еще бы, конечно'. «Tu penses, renforce une affirmation» [RC, 606], '*Tu penses* усиливает утверждение'. Примеры из художественной литературы: (**а**) *Ils sont venus ici? Eddie hausse les épaules: —* ***Vous pensez!*** *Comme d'habitude: perquise, la mère et ma femme interrogées…* (Albertine Sarrazin. L'Astragale (1965)). Они и сюда приходили? [...] — **Еще бы!** Как обычно: все перерыли, всех допросили: мать, мою жену [НКРЯ]. (**б**) **Tu penses**, avec le collège et le patronage!... (Anouilh, Jean / Le Voyageur sans bagage). **А как же иначе** — ты же учился в коллеже! [ABBYY].

II.2. Дискурсивы в языках L_1 и L_2, схожие по внутренней форме, различаются своими значениями.

По своей внутренней структуре французские выражения *à qui le dites-vous* / *à qui le dis-tu!* соответствуют русским *Кому вы это говорите!* / *Кому ты это говоришь!* Однако значение русских и французских формул очевидно не совпадают. Русская формула, как представляется, относится к классу иллокутивов, а не дискурсивов, и выражает удивление, подчас даже возмущение говорящего тем фактом, что его собеседник заговорил на эту тему, поскольку говорящий сам прекрасно знает ситуацию, неуместность высказывания собеседника, например: (**а**) *Только ни одному человеку не говори, что я тебе продал каштановую рощу, — попросил его Сандро, — потому что у нас ужасно не любят, когда чужакам продают каштановые рощи. —* ***Кому ты это говоришь****, Сандро, — удивился Самуил, — торговый человек умеет хранить секреты* (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 1) (1989)) [НКРЯ]. (**б**) *Она женщина опасная, ты знаешь это? —* ***Кому ты это говоришь?*** *— сказал он. — Я это очень хорошо знаю* (Г. А. Газданов. Эвелина и ее друзья (1968)) [Там же]. Таким образом здесь схожие по внутренней форме русские и французские формулы различаются своими значениями. (**в**) *Смотри не влюбись, — заметил Аянов, — Жениться нельзя, говоришь ты, а играть в страсти с ней тоже нельзя. Когда-нибудь так обожжешься… —* ***Кому ты это говоришь****! — перебил Райский, — Как будто я не знаю!* (И. А. Гончаров. Обрыв (1869)). Все примеры взяты из корпуса [там же].

III. Лингвоспецифичные дискурсивные формулы

В этом разделе приведены примеры лингвоспецифичных дискурсивных формул из других языков.

1. Согласие и подтверждение.

(1) англ. *I should say so!*, *I'll say!* 'конечно!, еще бы!', «used to indicate that one completely agrees with something just said. *"Isn't it hot today!" "I'll say (it is). It's unbearable!*"» [MWD]; «used to show that you agree very strongly with what has been said: *"Does he eat a lot?" "I'll say!"*» [CAL]; «used for expressing agreement, or for saying yes in a very definite way. 'She's very pretty' 'I'll say!'» [MD]. Примеры из художественной литературы: (а)

“*It is a bit complicated, isn’t it? “ Well,* ***I should say so****, “returned Frank* (Theodore Dreiser. The Financier (1912)). *Сложная получается история. —* ***Еще бы не сложная!*** *— отозвался Каупервуд* [НКРЯ]. (б) *He shuddered at the recollection, and added, "It was terrible. "—"* ***I should say so****, "Brown grunted* (Jack London. A Daughter of the Snows (1902)). Это было ужасно. — Я тоже так думаю! — проворчал Браун (Jack London. A Daughter of the Snows (1902)) [там же]. (в) "I’m awfully hungry. "" Why, Eureka, "said Dorothy, reproachfully, "what a cruel question! It would be dreadful to eat these dear little things. "" **I should say so!** "grunted another of the piglets, looking uneasily at the kitten (L. Frank Baum. Dorothy and the Wizard in Oz (1908)). — Я ужасно голоден. — Что ты, Эврика, — укоризненно сказала Дороти, — о чем ты просишь! Съесть этих милых крошек?! **Ни в коем случае! — Нельзя, никак нельзя!** — хрюкнул другой поросенок, встревоженно оглядываясь на кота [там же]. (**г**) *“Off with the old love's a stiff proposition, eh?” “****I should say so****. And you understand* (Jack London. A Daughter of the Snows (1902)). — Трудненько разделаться со старой любовью, а? — **Да уж, можно сказать** (Jack London. A Daughter of the Snows (1902)) [там же].

(2) англ. *You said it!*: «used to express complete agreement with something just said “That was a pretty selfish thing for him to do.” “You said it.” “Let's grab something to eat.” “You said it. I'm starving”» [MWD]; « used for agreeing with what someone has said although you would not have said it yourself, especially when they admit they have done something bad or wrong. ‘I’ve made a terrible mess of this.’ ‘You said it’» [MD]. Примеры из художественной литературы: (а) *При Сергей Сергеиче порядок был, — сказал Бенедикт. —* ***А то!*** *— отозвался тесть “* (Татьяна Толстая. Кысь (2000))). *Under Sergei Sergeich there was law and order,” said Benedikt. “****You said it****,”, replied Father-in-law.*) [НКРЯ]. (б) He’s registered as Mr. Blunt. Can you beat that English stuff? They can certainly lay on the class, eh?” “You said it!” replied his assistant deferentially (Theodore Dreiser. An American Tragedy, book I-II (1925)). Записан здесь как мистер Блант. Вот они, англичане, — видали? Умеют показать класс, а? — Совершенно верно, мистер Сквайрс, — почтительно ответил юноша за конторкой [там же]. (в) *“****You said it****,” Baz agreed around a mouthful of goldfish* (Bujold, Lois

McMaster / The Warrior's Apprentice). — **Это верно**, — подтвердил Баз, дожевывая ужин [ABBYY].

(3) англ. *You can say that again* / *say that again*: «used for expressing strong agreement» [LD, p. 930]. «*You can say that again* (informal) I agree with you completely. ‘He’s in a bad mood today.’ ‘You can say that again!’» [OXLD]. Примеры из художественной литературы: (**а**) *And I don’t suppose this young man is the easiest of clients. — **You can say that again**.*’ (Jojo Moyes. Me Before You (2012)). *И вряд ли с этим молодым человеком легко управляться. — **О да*** [НКРЯ]. (**б**) “*You are in enough trouble already.” — “**You can say that again**,” sighed Richard* (Neil Gaiman. Neverwhere (1993)). *У тебя и без того большие проблемы. — **Не то слово!*** [Там же]. (в) “Oh, yes, well, it is a fantastic opportunity,” I said by rote. “A job a million girls would die for.” — “**You can say that again**, dear!” (Lauren Weisberger. The Devil Wears Prada (2003)). — Конечно, это чудесная возможность, — машинально сказала я, — ради такой работы миллионы девушек готовы на что угодно. — **Можете не сомневаться**, дорогая [там же]. (**г**) *“I guess it’s been a long two days”. — “**Say that again**,” Edgar said. Golliher nodded in a friendly manner* (Michael Connelly. City Of Bones (2002)). Насколько я понимаю, у вас было два нелегких дня. — **Совершенно верно**, — согласился Эдгар. Голлиер дружелюбно кивнул [там же]. (д) *“He’s just full of magic philter, ain’t he?” “**You can say that again**”* (Ray Bradbury. Dandelion Wine (1957)). — Он совсем упился этим своим зельем. — **Вот то-то и оно** [там же]. (**е**) *Приветствую, — сказал Миша, снимая шляпу, — мы бесподобно провели время. Воздух — это что-то небывалое, но только надо наесться горохом, прежде чем говорить с вашим мужем… Он имеет надоедливый характер. — **Вы нашли кому рассказывать**, — произнесла мадам Пескина* (Исаак Бабель. Фроим Грач (1933)). “Greetings,” Misha said, lifting his hat. “We had such a nice time. The air there — simply out of this world! Though talking to your husband is like pulling teeth. What a tiresome man he is! ” “**You can say that again!**” Madame Peskin said [там же].

(4) Итальянская формула с глаголом *dire* — ‘говорить’ *puoi dirlo!* (‘можешь это сказать’): «sicuramente» [SCD], ‘несомненно, конечно’.

2. Несогласие и отрицание.

Одной из самых распространенных формул несогласия и отрицания являются выражения с глаголами речи и ментальными предикатами.

(1) Английские выражения:

1. *Says you* / *sez you*: «брехня! как бы не так!» [АРФС, с. 658]. «Used in speech to express disagreement or disbelief. *“He’s guilty.” “Says you! I think he’s innocent”*» [OESD]. “*As for that wild talk, its fair disrepitable. Vitals,* ***says you!*** *And where would I be with my blunderbush? ”he snarled* (Robert Louis Stevenson. Kidnapped (1886)). *Это вы такую дичь порете, что стыдно слушать. Кишки выпустит,* ***ишь ты, какой скорый!***[4] *— огрызнулся дядя. — А как насчет моего мушкетона?* [НКРЯ].

2. Выражение *don’t say that*: *— А мне до крайности не нравится вся эта затея, — злобно поглядывая на афишу сквозь роговые очки, ворчал Римский, — и вообще я удивляюсь, как ему разрешили это поставить! — Нет, Григорий Данилович,* ***не скажи****, это очень тонкий шаг* (Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита). I don't care for this project at all,' growled Rimsky disagreeably, staring at the poster through his horn-rims.' I'm amazed that he was ever engaged.' ' No, Grigory Danilovich, **don’t say that!** It’s a very smart move [там же].

(2) Французские выражения:

1. Французская формула *tu parles!* / *tu parles que X!* ‘ты говоришь ты говоришь, что X’ (см. выше. п. I.1.2.3.), произносимая с падением тона, выступает в значении несогласия и возмущения: «как бы не так!, ну да!, держи карман шире!; «*C’est un bon élève? — Tu parles! Il est le dernier de la classe*» — Это хороший ученик? — Как бы не так! Самый отстающий в классе» [ГТ, с. 212]. «*Tu parles!* (*vous parlez!*) (б) как же! как бы не так! «Avec le public tu retrouvras ta fraîcheur. — Tu parles. C’est comme ça je que je loupe toutes

[4] В русском переводе использовано многозначная частица *ишь ты*, которая, в частности, выступает в значении выражения не только несогласия, но и возмущения.

mes générales» [ГрГр, 424]; ‘На публике ты обретешь бодрость. — Как же! Именно поэтому я проваливаю все генеральные репетиции’. «Réagissant spontanément à un énoncé α de l’interlocuteur, le locuteur signale qu’il refute de façon décidée α ou la proposition qu’il dégage de α, l’affectant émotionnellement et que l’énonciation de α l’agace. (1) A: *Tu devrais téléphoner à Mari*e. B: ***Tu parles!*** *Après ce qu’elle a dit de moi! Jamais!* (2) A. Tu viens avec moi? B. ***Tu parles!*** J’ai autre chose à faire que t’aider!» [DEC I, p. 338]. ‘Реагируя на высказывание α своего собеседника, говорящий решительно и раздраженно опровергает высказанное тем мнение. А: Тебе бы следовало позвонить Марии. Б: **Ну да! Еще чего!** После того, что она про меня наговорила! Никогда’. Примеры из художественной литературы: **(а)** *Assassinée par qui? — Elle a refusé de me dire son nom. Elle m'a expliqué qu’elle devait le taire pour me protéger.* ***Tu parles****. Que le type était formidablement dangereux, mauvais, sans pitié. Abominable, immonde. Il a d’abord dézingué un autre membre du groupe, une sorte de légionnaire qui ne voulait pas lui obéir* (Fred Vargas. Temps glaciaires (2015)). Кто убил? — Она не назвала его имени. Под тем предлогом, что это ради моей же безопасности. **Как же!** Типа он страшно опасный, безжалостный злодей. Мерзкий ублюдок. Сначала он замочил другого человека из их группы, какого-то легионера, потому что тот отказался ему подчиниться [НКРЯ]. (**б**) *Désolé, monsieur Levallet. —* ***Désolé, tu parles****. Et après je pourrai m'en aller?* (Fred Vargas. Temps glaciaires (2015)). Сожалею, господин Левалле. **— Сожалеешь ты, как же**. А потом я смогу уйти? [там же]. (**в**) *Я сквозь сон: “Мама, это учения”.* ***Фиг вам!*** *Под окнами стояли настоящие танки, я никогда не видела танки так близко* (Светлана Алексиевич. Время секонд хэнд (ч. 1) (2013)). франц. Je lui ai répondu, à moitié endormie: “Ça doit être un exercice, maman!” ***Tu parles***! C'étaient de vrais tanks, je n'en avais jamais vu de si près [там же]. **(г)** «Да ничего ты не составлял, без тебя написали», — подумал Штрум (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 3 (1960)). франц. «***Tu parles que*** tu l’as élaboré, on l’a écrit sans te demander ton avis», se dit Strum [там же]/ (**д**) *Что это за путч, когда не стреляют?* (Светлана Алексиевич. Время секонд хэнд (ч. 1) (2013)). франц. ***Vous parlez*** d’un putsch! C’est quoi, un putsch sans coups de feu? [там же]. (**е**) *Как*

нам быть, товарищ полковник, с начальником штаба во второй бригаде? Михалев вернется через полтора месяца, я получил письменное заключение из окружного госпиталя. — Да уж какой он начальник штаба без кишки и без куска желудка, — сказал Гетманов (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1959)). франц. Qu'allons-nous faire, camarade colonel, pour le chef d'état-major de la deuxième brigade? Mikhalev reviendra de l'hôpital seulement dans six semaines, je viens de recevoir son certificat médical. — ***Vous parlez*** d'un chef d'état-major avec un morceau de boyau et d'estomac en moins, dit Guetmanov [там же].

2. Французская формула с тем же глаголом *parler* — *parlons-en!* ('поговорим об этом'), стоящее после имени существительного, означает особый вид несогласия с мнением собеседника — возмущение или отказ говорить на эту тему: «marque l'indignation ou le refus d'envisager qch» [RC, p. 586], «нечего сказать!, как же!» [ГТ, с. 212]. Например: *Il fit un «Oh!» de pitié: «****Parlons-en*** **(**Maupassant, Guy de / Bel Ami**)**. — **Есть о чем говорить!** — с кислой миной воскликнул он [ABBYY].

3. Другой французский глагол речи глагол ***dire*** — 'говорить' выступает в формуле несогласия ***c'est pas dit*** (≈ 'это не было сказано'): «это еще как сказать, это еще бабушка надвое сказала, не факт» [ГрГр, с. 225]; «*Me laver? Pour qui? Pour les Fritz? Il me prendront comme je suis. — C'est pas dit qu'ils te prendront*» (J.-P. Sartre, Le Sursis)» [Там же, с. 543], 'Умываться? Для кого для фрицев? Они примут меня и так. — Не факт / это еще как сказать'.

4. Еще одна французская формула несогласия с глаголом *dire* представлена французским выражением *c'est beaucoup dire* 'это сказать слишком много', «это слишком громко сказано» [ФРФС, с. 115]. Например: **(а)** *Bien sûr que là-bas ils ne vivent pas comme nous. Ils prient leur dieu cinq fois par jour, tu te rends compte! Et même, ils mangent sans table. Oui, tous par terre. Enfin, sur un tapis. Et sans cuillères, avec les doigts! L'invité, plutôt pour raviver la conversation, objecta d'un ton raisonneur: — Ouais, pas comme nous,* ***c'est beaucoup dire*** (Andreï Makine. Le testament français (1995)). — *Конечно, они там живут не по-нашему. Богу молятся пять раз на дню, ты только представь! Даже едят без стола.*

Да, прямо на полу. Ну, на ковре. И без ложек, руками! Гость, скорее для поддержания разговора, рассудительно возразил: — Ну, «не по-нашему» ***— это уж ты чересчур*** [НКРЯ]. (**б**) *Приходите в любой день и час. Вот визиточка…* ***Базар стал нашим университетом… Это громко сказано*** *— университетом, но начальной школой жизни — точно. Сюда приходили, как в музей. Как в библиотеку* (Светлана Алексиевич. Время секонд хэнд (ч. 1) (2013)). франц. Passez me voir quand vous voulez… Tenez, voilà ma carte… Le marché aux puces est devenu notre université. **Enfin, une université, c'est beaucoup dire**, en tout cas l'école primaire de la vie, ça, c'est sûr. Les gens venaient là comme dans un musée. Ou une bibliothèque. Des petits jeunes rôdaient autour des étalages, des zombies avec des têtes de cinglés… [там же]. (**в**) ***C'était beaucoup dire****, pensa-t-il brusquement, j'ai accepté la place d'un type et fait pleurer une femme* (Sagan, Françoise. Un peu de soleil dans l'eau froide). **Уладил… Нечего сказать**, — внезапно подумал он. — Согласился занять чужое место и заставил страдать женщину» [ABBYY].

5. Выражение несогласия представлено также французскими формулами *Que tu dis?* / *Que tu dis !*; Qu'est-ce que tu dis? / Qu'est-ce que tu dis! «Que dis, это еще неизвестно, это по-твоему так» [ГрГр, 225]. Пример из корпуса НКРЯ: Это все мертвое и смердит отвратительно… Да пусть она бросит эту убогую школу. Кому она нужна… — **Что ты! Что ты!** — пугалась Соня. — Образование нужно (Людмила Улицкая. Сонечка (1992)). Tout ça, c'est mort, ça sent épouvantablement mauvais… Elle n'a qu'à laisser tomber cette école minable. De toute façon, cela ne lui servira à rien… — **Qu'est-ce *que tu dis*?** s'exclama Sonia, affolée. Les études, c'est indispensable.

6. Формула несогласия с другим пропозициональным глаголом — глаголом мышления — глаголом *penser* 'думать'. *Penses-tu!* / *pensez-vous!* (букв. 'думаешь ты' / 'думаете вы') [да] что ты (вы)! [ГТ, с. 731]. «Réagissant spontanément à un énoncé α de qn, le locuteur signale qu'il refute de façon décidée la proposition α qu'il dégage de α, l'affectant émotionnellement, et que ce que son interlocuteur pense au sujet de la proposition est faux. (а) A: *Est-ce que tu as vu ce film?* B: ***Penses-tu!*** *Je déteste le réalisateur!* (б) A. *Tu vas sûrement*

t'amuser. В. ***Penses-tu!*** *Je déteste ce genre de soirée!*» [DEC IV, 283]. 'Реагируя на высказывание α своего собеседника, говорящий эмоционально и решительно отвергает высказанное его собеседником мнение. (а) А. Ты видел этот фильм? Б: **Да что ты**, я терпеть не могу этого режиссера! (б) А. Ты получишь удовольствие. Да что ты говоришь! Я ненавижу такие вечеринки!'. Пример из [НКРЯ]: *Il y en a bien un là-dedans qui a dû connaître Georges Maillot, non? Il a haussé les épaules. —* ***Pensez-vous****… Ils étaient encore au biberon quand Georges fai-sait du cinéma* (Patrick Modiano. Quartier perdu (1985)). *— Среди них, наверно, есть люди, знавшие Жоржа Майо, не так ли? Он передернул плечами. —* ***Что вы!*** *Когда Жорж снимался в кино, они были еще сосунками*.

7. Существует еще одно выражение с глаголом *penser*, обозначающее несогласие с мнением собеседника, часто несогласие и возмущение его словами — *tu n'y penses pas* / *vous n'y pensez pas!* (букв. 'не думай' / 'не думайте об этом'): «Помилуй!, что ты!» [ФРФС, с. 815]. «Как вы можете так думать? вы соображаете?!» [ГТ, с.731]. «*Tu n'y penses* (*vous n'y pensez*) *pas!* dénégation vigoureuse, indignée (certainement pas)» [RC, 606]. «*Потом отправляйтесь в Швейцарию или в Тироль: лечиться виноградом. Там проживете сентябрь и октябрь… —* ***Черт знает что, в Тироль!*** *— едва слышно прошептал Илья Ильич* (И. А. Гончаров. Обломов (1848-1859)*). Puis rendez-vous en Suisse, ou encore au Tyrol, pour faire une cure de raisin. Vous pourriez y rester les mois de septembre et octobre. —* ***Vous n'y n'y pensez pas!*** *Au Tyrol! dit Ilia Ilitch d'une voix à peine distincte* [НКРЯ].

8. Еще одна формула несогласия — это французское выражение с глаголом *compter* 'рассчитывать на что-л.': *compte / comptez là-dessus!* (букв. 'рассчитывай, надейся на это / рассчитывайте, надейтесь на это'). «Как бы не так! Держи карман шире! — *Il m'a dit qu'il passerait me prendre ce soir pour aller au kino. — Compte là-dessus, je l'ai vu à la gare, il prenait le train de Lyon* (J. Forton. Les sables mouvants)» [ГрГр, с. 161], 'Он сказал, что зайдет за мной этим вечером и мы пойдем в кино. — Держи карман шире. Я видел его на вокзале, он садился на поезд в Лион'. «*Menteuse! Me traiter de menteuse, moi! Vous allez retirez ce mot immédiatement, vous entendez! —* ***Comptez là-dessus****!*» [Там же], 'Лгунья!

Называть меня лгуньей! Вы сейчас же заберете свои слова назад, вы слышите меня! — **Ага! Держи карман шире**!’ В словаре [RC, p. 244] приведена еще одна формула — *t’as qu’à croire* ‘тебе остается только верить’: «ne te fie pas aux impressions, c’est loin d’être sûr», ‘не доверяй своим впечатлениям, это совсем неочевидно’.

9. Формула несогласия с глаголом *voir* — ‘видеть’, *voyons!* «Réagissant spontanément à un énoncé α de l’interlocuteur, le locuteur signale qu’il éprouve de la difficulté à accepter α, l’affectant émotionnellement. DEC IV, 220—221], ‘Реагируя на высказывание α своего собеседника, говорящий сообщает, что ему трудно согласиться с мнением собеседника, выражая это эмоционально’.

Приведем несколько примеров аналогичных формул из других языков, взятых из художественной литературы: (**а**) нем. *«So leicht verirrt man sich nicht hierher». — «**Sag das nicht**, erst vor kurzem waren Leute in der Hütte»* (Siegfried Lenz. Schweigeminute (2008)). *«В те места не так просто забрести». — «**Не скажи**, совсем недавно там кто-то был»* [НКРЯ]. (**б**) *Милая вы моя, ведь я государственный преступник: секретные документы потерял, в бега ударился. Чем тут поможет ваш жандармский генерал? Но Гликерия Романовна горячо воскликнула: — **Не скажите!** Константин Федорович сам мне объяснял, как много зависит от чиновника, которому поручено вести дело* (Борис Акунин. Алмазная колесница (2003)). нем. Meine Liebe, ich bin schließlich ein Staatsverbrecher, ich habe Geheimdokumente verloren und bin geflohen. Wie könnte mir Ihr Gendarmeriegeneral da helfen? « Doch Glikerija rief lebhaft: » **Sagen Sie das nicht!** Konstantin Fjodorowitsch hat mir selbst erklärt, wie viel von dem Beamten abhängt, der eine Untersuchung führt. Er kann sie zum Bösen wenden oder zum Guten. Ach, wenn man wüßte, wer sich mit Ihrem Fall befaßt! [там же]. (**в**) латыш. *Vai esat dzirdējuši, Ilze aizstāvējusi doktora disertāciju un kļuvusi par profesori. — Kas to būtu domājis no tādas vieglprātes. — **Nesaki** neko, galviņa viņai jau toreiz strādāja* (Zenta Ērgle. Bez piecām minūtēm pieauguši (1983)). *Вы слышали, Илзе защитила докторскую и уже профессор. — Кто бы мог подумать! Такая легкомысленная была. — **Ну, не скажи**. Голова у неё и тогда варила*; *sacīt* — ‘говорить, сказать’, *nekas* — ‘ничего’

[там же]. (**г**) швед. *I jämförelse med teater är film ointressant. En blek avklappning bara. — Nej, det kan aldrig bli någonting. —* ***Säg inte det*** (Maria Gripe. Skugg-gömman (1988)). *Кино в сравнении с театром кажется ей совершенно неинтересным. Бледная копия действительности, только и всего. У кино нет будущего, — считает Ингеборг. —* ***Не скажи*** [там же]; *säger* — ‘говорить’; *inte* — ‘не’; *det* — ‘это’. (**д**) ит. *Да игрушка — видно сразу… —* ***Не скажи*** (В. Г. Сорокин. Очередь (1985)). *Ma è un giochetto, si vede subito… —* ***Non dirlo*** [там же]; *dire* — ‘говорить’. (**е**) *А мне до крайности не нравится вся эта затея, — злобно поглядывая на афишу сквозь роговые очки, ворчал Римский, — и вообще я удивляюсь, как ему разрешили это поставить! — Нет, Григорий Данилович,* ***не скажи****, это очень тонкий шаг* (Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940)). Приведем примеры перевода этого отрывка на несколько языков: **1.** укр. — А мені вкрай не до вподоби ця витівка, — злісно поглядаючи на афішу крізь рогові окуляри, бурчав Римський, — і взагалі я дивуюсь, як йому дозволили таке виставляти! — Ні, Григорію Даниловичу, **не скажи**, це дуже тонкий хід. Тут уся сіль у викритті. **2.** белор. — А мне зусім не падабаецца гэтая выдумка, — злосна зірнуў праз рагавыя акуляры на афішу і прабурчаў Рымскі, — і наогул я здзіўляюся, як яму дазволілі гэта паказваць! — Не, Рыгор Данілавіч, **не гавары**, гэта даволі тонкі манеўр. Тут уся соль у выкрыцці [Алесь Жук]. **3.** пол. A mnie się ta cała afera wyjątkowo nie podoba - z nienawiścią patrząc na afisz przez okulary w rogowej oprawie warczał Rimski - i w ogóle bardzo się dziwię, że mu pozwolili na wystawienie czegoś podobnego. - Nie, Grisza, **nie mów**! To bardzo subtelne posunięcie. Cały dowcip polega na demaskowaniu. **4.** словен. “ Meni pa ta domislek še malo ni všeč, ” je zagodel Rimski, hudobno pogledujoč skozi roževinaste naočnike na lepak, "in sploh se čudim, kako da so mu dovolili spraviti to na oder. ” “Ne, Grigorij Danilovič, **ne govori tako**! To je zelo spretna poteza”. **5.** чеш. " Mně se ten nápad ani trochu nelíbí, "huhlal Rimský a prohlížel si vztekle plakát přes kostěné obroučky brýlí. "Vůbec se divím, že mu to představení dovolili. "" **Jen neříkej!** To je velice taktický krok. **6.** серб. А мени се нимало не допада цела ова замисао — јетко гледајући у плакат кроз наочаре са рамом од рога, гунђао је Римски — и све у свему чудим

се како су му уопште и дозволили да тако нешто постави на сцену. — Не, Григорије Даниловичу, **не говори тако!** То је вешт потез. **7.** исп. Pues a mí todo este asunto no me hace ninguna gracia — gruñía Rimski, mirando el cartel con enfado a través de sus gafas de concha—. Me sorprende que le hayan dejado representarlo. — ¡Hombre, Grigori Danílovich, **no digas eso!** Es un paso muy inteligente [там же].

10. Выражение *ni quien tal vio* (*ver* — ‘видеть’), ‘никто ничего похожего не видел’ является формулой несогласия в испанском языке, «ничего подобного» [ИСФС, с. 697], «expr. coloq. U. para reforzar la negación de algo» [DRAE], ‘разг. для усиления отрицания чего-то’.

11. Немецкое выражение *Kein Gedanke daran!* (‘никакой мысли об этом’, *Gedanke* — ‘мысль’) выступает в функции несогласия и запрета: «ничего подобного» [БНРФС, с. 291]. Примеры из художественной литературы: (**а**) *А может, воротимся, барин? — Ни-ни-ни! — Доктор обиженно-угрожающе замотал головой, поднимаясь и отряхиваясь. —* ***И думать не смей*** (Владимир Сорокин. Метель (2010)). *«Wolln wir nich besser doch umdrehn, der Herr?» «Auf-gar-kei-nen-Fall!», skandierte der Doktor und schüttelte halb gekränkt, halb drohend das Haupt, während er aufstand und sich den Schnee abklopfte. «****Kein Gedanke daran!****»* [НКРЯ]. (**б**) *Разве что ты, Мелифаро, наверное, еще очень слаб… Будешь лечиться, а мы уж за тебя погуляем! —* ***Кто слаб? Я?!*** (Макс Фрай. Чужак (2004)). *«Melifaro, du auch — es sei denn, du bist zu schwach und willst dich untersuchen lassen. Wir können uns auch stellvertretend für dich austoben!» «****Ich und schwach? Kein Gedanke!****»* [Там же]

12. Еще одна немецкая формула несогласия представлена выражением *Ach, keine Ahnung!* (‘понятия не имею’) «да ничего подобного» [БНРФС, с. 36]. *Über dem Sofa hing die vergrößerte Fotografie eines Feldwebels in voller Uniform mit glotzendem Blick und gewichstem Schnurrbart. «Ist das dein Mann? «fragte Steiner». «Nein, der Selige von der Al-ten». «Die ist wohl froh, daß sie ihn los ist, was?» — «****Hast du eine Ahnung!****»* (Erich Maria Remarque. Liebe Deinen Nächsten (1941)). *Над диваном висела увеличенная фотография ка-*

кого-то фельдфебеля в парадном мундире, с нафабренными усами и неподвижным тупым взглядом. — Твой муж? — спросил Штайнер. — Нет, покойный супруг хозяйки. — Она небось рада, что избавилась от него? — ***Скажешь тоже!*** [НКРЯ].

3. Удивление.

1. Русской формуле удивления *что вы говорите!* в испанском языке соответствует дискурсив с глаголом *decir* ‘говорить’ *¡no (me) diga(s)!*, ‘не говори (мне)’[5]: «да что ты!, что вы говорите!, не может быть!, неужели!» [ИСФС, с. 221]. «*No me digas*, о *no me diga usted* / exprs. U. para denotar sorpresa o contrariedad» [DRAE], ‘выражение для обозначения изумления или досады’. Например: (а) *Бандеролью прислали. —* ***Да ну?!*** (А. И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)). ¡*Lo he recibido con faja! —* ***¿No me diga!*** [НКРЯ]. (б) *Такая сволочь — до кости прокусил. —* ***Ну да? — поразился*** *Андрей. — А мне показалось, они, вроде, мирные…* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Град обреченный (1972)). *El muy canalla. Me mordió hasta el hueso. — No me digas — se asombró Andrei. — Creía que eran pacíficos* [Там же].

2. Испанское междометие *¡digo!*, также образованное от *decir*, тоже используется как формула удивления: «[изумление] вот это да!» [ИСРС]; «interj. U. para expresar sorpresa, asombro» [DRAE], ‘выражение для обозначения удивления, изумления’.

3. В итальянском языке используется аналогичная испанской формуле *¡no (me) diga(s)!* — формула *non me lo dire!* ‘не говори!’: «non me lo dire [esclamazione di sorpresa]» [SCT], ‘non me lo dire [выражение удивления]’.

4. Португальское выражение *Quem diria!* ‘кто бы сказал’, как представляется, может служить еще одним примером формулы удивления с глаголом речи, глаголом *dizer* — ‘говорить’. ***Quem diria****… Morrer assim* (Jorge Amado. A Morte e a Morte de Quincas Berro Dágua (1959)). ***Подумать только****… Умереть так* [НКРЯ].

5. Английская формула *I say*: «да ну! Ну и ну! Вот так так! Подумать только! (восклицание. выражающее удивление или протест)» [АРФС, с. 658]; «*I say*: sed to express

[5] Напомним, что русская форма *не говори* (*те*) является формулой согласия и подтверждения.

surprise, shock, etc. *I say! That's a wonderful idea*» [MWD]. *"For your wounds are washed and dressed and though they smart they are no more serious than if they had been the cuts of a whip. It must have been a very strange lion; for instead-of catching you out of the saddle and getting his teeth into you, he has only drawn his claws across your back. Ten scratches: sore, but not deep or dangerous." "**I say!" said Aravis. "I have had luck**." "Daughter," said the Hermit, "I have now lived a hundred and nine winters in this world and have never yet met any such thing as Luck* (Clive Staples Lewis. The Chronicles of Narnia. The Horse and His Boy (1954)). — *Я промыл и смазал бальзамом твои раны. Они не глубже ударов бича.* Какой удивительный лев: не стянул тебя с седла, не вонзил в тебя зубы, только поцарапал. Десять полосок… Больно, но не опасно. **Да уж! Мне повезло**, — сказала Аравита. — Дочь моя, — сказал отшельник, — я прожил сто девять зим и ни разу не видел, чтобы кому-нибудь так везло [НКРЯ].

6. Английские формулы *You don't say so, You don't say*. «*You don't say so*: не может быть! Да ну! Что вы говорите! Неужели!» [АРФС, с. 658]; « *You don't say*: used to express surprise. *"She ran off with another man."* "You don't say!" often used ironically to show little surprise at something "*They lost again." "You don't say. What's that, eight in a row?"*» [MWD].

IV. Заключение

Проведенное исследование находится в русле работ по дискурсивным маркерам[6]. Интерес к изучению этих единиц определяется, в частности, тем, что часто дискурсивные формулы являются лингвоспецифичными. На материале нескольких языков мы рассмотрели аналогии и различия в структуре дискурсивных формул, в основе которых лежат пропозициональные предикаты, т.е. предикаты, управляющие пропозициями. Мы выделили два вида различий в структуре дискурсивных формул в разных языках: 1. Одно и то же значение в языках А и Б выражается разными по своей внутренней структуре, по своей внутренней форме выражениями. 2. Дискурсивы в языках А и Б, аналогичные по своей

[6] Необходимо отметить, как указано в работе Г. И. Кустовой, «на следующем шаге эволюции многие иллокутивы превращаются в дискурсивы – метатекстовые показатели» [Кустова 2012, 363].

внутренней структуре и/или по своей внутренней форме различаются своими значениями. Мы представили также примеры лингвоспецифичных дискурсивных единиц. Нами было рассмотрено три формулы — формулы согласия и подтверждения, формула несогласия и отрицания и формула удивления. Важность изучения дискурсивных формул обусловлена их огромной ролью в устной коммуникации, лингвоспецифичность этих единиц дает богатый материал для семантической типологии.

Список источников и сокращений

АРФС — Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М. Д. Литвинова. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Русский язык,1984.

ГТ — Французско-русский словарь активного типа / В. Г. Гак, Ж. Триомф, Г. Г. Соколова и др.: Под ред. В. Г. Гака и Ж. Триомфа. 2-е изд., испр. Москва: Русский язык, 1998.

БНРФС — Немецко-русский фразеологический словарь. Составитель Л. Э. Бинович. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.

ИРСС — Садиков А. В., Нарумов Б. П. Испанско-русский словарь современного употребления /Diccionario Español-Ruso de Uso Moderno / А. В. Садиков, Б. П. Нарумов. Москва: Русский язык, 2000 // https://modern_usage_es _ru.academic.ru.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // www. ruscorpora.ru.

ФРФС — Французско-русский фразеологический словарь под ред. Я. И. Рецкера. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963.

ABBYY — ABBYY Lingvo Live // https://www.lingvolive.com.

DCLF — Le Dictionnaire culturel en langue française // Sous la direction d’Alain Rey. Paris : Dictionnaires Le Robert. 4 tomes. 2005.

Duran I — Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches léxico-sémantiques I / Mel’čuk I., Arbatchewsky-Jumarie N., Elnitsky L., Iordanskaja L., Lessard A. Réd. Class A. Montréal (Québec), Canada: Les Presses de l’Université de Montréal, 1984.

DEC IV — Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches léxico-sémantiques IV / Mel'čuk I., Arbatchewsky-Jumarie N., Iordanskaja L., Mantha S., Polguère A. Réd. Class A., Mel'čuk I. Montréal (Québec), Canada: Les Presses de l'Université de Montréal, 1999.

DRAE — Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. Madrid, 2015 // http://dle.rae.es.

LD — Longman Dictionary of Contemporary English. Словарь современного английского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1992. Т.2.

MD — Macmillan Dictionary // http://www.macmillandictionary.com.

OESD — Oxford English and Spanish Dictionary, Synonyms, and Spanish to English Translator // https://www.lexico.com.

OXLD — Oxford Leaner's Dictionaries. 2020 Oxford University Press, 2020 // https://www.oxfordlearnersdictionaries.com.

PR — Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française / P. Robert, J. Rey-Debov, A. Rey. Paris: Dictionnaire LE ROBERT, 1970.

RC — Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. P.: Dictionnaires LE ROBERT, 2003.

SCD — Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiana. Milano, 2007 //http://dizionari.corriere.it.

SCT — Il vocabolario Treccani. Sinonimi e contrari, diretto da Raffaele Simone, Roma, Istituto della Enciclopedia Italiana, 2003 // http://www.treccani.it/vocabolario.

TR — *Le Trésor* de la langue française informatisé // http://atilf.atilf.fr.

Литература

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Бычкова П. А. Дискурсивные формулы подтверждения в типологической перспективе. Jezikoslovni Zapiski, 2020, N 27. P. 111—128.

Дискурсивные слова русского языка / Под. ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М.: Мета-текст, 1998.

Жукова С. Ю., Орехов Б. В., Рахилина Е. В. Дискурсивные формулы русского языка: диахронический подход. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, 2019, N 21. С. 142—164.

Зализняк А. А., Падучева Е.В. Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: ПОЖАЛУЙ, НИКАК, ВСЕ-ТАКИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 3. С. 628—652.

Иоанесян Е. Р. Дискурсивные формулы, производные от пропозициональных предикатов // Научный диалог, Т. 11. No 8, 2022. С. 24—39.

Кустова Г. И. Об иллокутивной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 349—366.

Пужаева С. Ю., Герасименко Е. А., Захарова Е. С., Рахилина Е. В. Автоматическое извлечение дискурсивных формул из текстов на русском языке. Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2018, 16. С. 5—18.

Рахилина Е. В., Бычкова П. А., Жукова С. Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7—27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27.

Шаронов И. А. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов. Вестник Томского гос. ун-та. Филология, 2018, 51. С. 58—68.

Эндресен А. А., Жукова В. А., Мордашова Д. Д., Рахилина Е. В., Ляшевская О. Н. Русский конструктикон: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2020». Москва, 17—20 июня 2020 г. С. 1—15 // http://www.dialog-21.ru.

Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2017.

Boas H. C., Ziem A. Constructing a constructicon for German: Empirical, theoretical, and methodological issues // Constructicography: Constructicon development across languages. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2018, 183—228.

Austin J. L. How to do things with words. The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955. (eds. J. O. Urmson and Marina Sbisà), Oxford: Clarendon Press, 1962.

Fillmore C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of *let alone* // Language, Vol. 64(3), 1988. P. 501—538.

Fillmore C. J., Lee-Goldman R. R., Rhodes R. The FrameNet constructicon // Sign—based construction grammar. Boas H. C., Sag I. A. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2012. P. 309—372.

Grice P. Studies in the way of words. Harvard University Press, 1991.

Onodera N. O. The grammaticalization of discourse markers // The Oxford handbook of grammaticalization. Heine B., Narrog H. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. P. 614—624.

Salgueiro A. B. Promises, threats, and the foundations of speech act theory // Pragmatics, 2010, N 20. P. 213—228.

Searle J. R. A classification of illocutionary acts // Language in Society, 1976, 5. P. 1—23.

Torrent T. T., Meireles Lage L., Sampaio T. F., da Silva Tavares T., da Silva Matos E. E. Revisiting border conflicts between framenet and construction grammar: Annotation policies for the Brazilian Portuguese Constructicon // Constructions and Frames. Special issue. Frames, constructions, and computation, 2014, V. 6. N 1. P. 34—51.

Vendler Z. Linguistics in philosophy. Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 1967.

Discourse markers cross-linguistically

E.R. Ioanesyan (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

The article deals with discourse markers — idiomatic utterances made in response to the interlocutor's statement in the course of a conversation. The paper introduces and interprets discourse formulae formed with propositional verbs with the meaning of agreement and confirmation, disagreement and denial, surprise, indignation. The interest to discourse markers is due to their obviously notable contribution to spoken communication. Also, this kind of items are in most cases language-specific. A variety of discourse markers in several languages is under review, with the focus on their language-specific features. The innovative and relevant character of the paper arises from its bearing on the area of semantic typology.

Key words: semantics, speech acts, spoken communication, discourse markers, propositional verbs, language pecificity, semantic typology.

DOI: 10.37892/2218-1393-2023-18-1-114-127

Лексикография сегодня и завтра:

The Future of Dictionaries, Dictionaries of the Future[1]

Н.К. Рябцева (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье отмечается, что традиционные лексикографические способы пополнения терминологии на русском языке путем калькирования, транслитерации и транскрибирования иноязычных терминов, в частности из английского языка, не работают в случае с переводом современных англоязычных многокомпонентных терминов, особенно из области цифровых технологий. Их также нельзя перевести дословно в виду их лингвоспецифичности. Современные корпусные исследования в области перевода показывают, что использование языка при переводе и в оригинальных текстах на этом языке значительно отличаются друг от друга на всех уровнях — лексическом, грамматическом и дискурсивном, что, кстати, пока еще не зафиксировано в двуязычных словарях, учебниках и пособиях. Причем в их переводе используются такие межъязыковые приемы перевода, как *добавление* необходимого по смыслу элемента, *элиминация* плеонастического элемента и *нормализация* выражения — подчинение его нормам языка перевода, а также то, что большинство из этих различий трактуется в настоящее время как переводческие универсалии: экспликация, симплификация и нормализация, которые предполагается использовать в новых цифровых словарях будущего.

Ключевые слова

Перевод, терминология, экспликация, элиминация, нормализация.

[1] Nielsen S. The Future of Dictionaries, Dictionaries of the Future // H. Jackson (Ed.). The Bloomsbury Companion to Lexicography. London/New York, 2013, p. 355—372. DOI:10.5040/9781472541871.ch-018

Благодаря цифровым технологиям лексикография сегодня преобразуется из обычного раздела лингвистики в важнейшее самостоятельное научное направление и источник информации, в первую очередь, для цифровых ресурсов, инструментов, устройств, а также для научной и технической коммуникации.

Одной из наиболее животрепещущих проблем научного и технического перевода с одного языка на другой, достаточно отдаленный, тип языка, например, с русского языка на английский и обратно, долгое время выступали отмечаемые многими авторами заимствования иноязычных терминов путем *калькирования, транслитерации* и *транскрибирования*. В настоящее время они могут быть вполне приемлемыми в случае односложных, простых терминов. Если большое количество односложных терминов поддается калькированию, транслитерации и транскрибированию, имеет иноязычные эквиваленты и часто включено в специальные словари (ср. *computer, cursor, Windows* и мн. др.), то многокомпонентные термины часто вводятся впервые, их значение не всегда определяется однозначно из контекста, они часто переводятся различными вариантами, и с большим опозданием они попадают в отраслевые словари.

Современный научный язык, и особенно терминология, постоянно изменяются, пополняются новыми понятиями и терминами, развиваются и даже приобретают новые формы и виды. Современные цифровые технологии не только помогают создавать новые типы и виды словарей [Рябцева 2022], но и сами порождают беспрецедентное количество новых терминов, новые модели их построения, новые способы передачи их на иностранный язык и т.д. Причем цифровая терминология, ввиду своей инновационности, вызывает самые большие проблемы у электронных переводчиков (*YandexTranslate, GoogleTranslate, ABBYY, DeepL* и др.), которые еще не отказались от пословного перевода. Соответственно, знаменитая цитата, вынесенная в заглавие, это название статьи известного лексикографа, Sandro Nielsen, опубликованная в книге «The Bloomsbury Companion to Lexicography» (H. Jackson (Ed.), London/New York, 2013, с. 355—372). В ней показано, что современная лексикография превращается из описательной лексикографии на

бумажном носителе в электронную и на ее основе создаются лексикографические службы, ассистенты, тьюторы и т.д. Так, Howard Jackson в своем предисловии к [Jackson 2013] подчеркивает, что лексикография как самостоятельная лингвистическая деятельность по своей сути может быть отнесена к типу «branch of reference science» или даже к «information science». Лексикографическая деятельность включает множество разнообразных аспектов и типов работы, в частности, историю словарей, их типологию, принципы составления, структуру и содержание, а также применение новых стратегий в образовании, межъязыковой коммуникации, развитие e-lexicography, поэтому она превращается в автономное и весьма значимое экстралингвистическое направление.

Цифровые технологии ставят перед современной лексикографией всех типов и видов принципиально новые проблемы, такие как использование корпусных данных и других цифровых инструментов (например, word sketches [Kilgarriff et al. 2004; Rundell, Kilgarriff 2011]), придание лексикографическим продуктам цифровой формы — превращение их в e-lexicography [Fuertes-Olivera 2016], превращение обычных словарей в цифровые ассистенты для письма и речи на родном и иностранном языке [Nielsen 2013]. Так, уже в настоящее время словарное дело из производства и издания словарей превращается в специальные лексикографические информационные службы и порталы, которые приобретают совершенно новые черты. В первую очередь это ориентация на определенного пользователя и потому на информационное общество, основанное на знании. Они превращаются в информационные инструменты, которые обеспечивают индивидуальную поддержку различным группам пользователей, нуждающимся в лексикографически значимой, направленной именно им информации (lexicographically relevant data) и обеспечивают ее персонализацию и ее динамическое взаимодействие на поверхностном и глубинном уровне.

Вышеизложенное не значит, что уже завтра у нас появятся принципиально новые цифровые лексикографические продукты и службы, но уже сегодня для этого много делается [Tarp 2022]. У цифровых лексикографических служб пока еще множество про-

блем, в частности, неудовлетворительная работа лексикографической базы данных, что объясняется низким качеством лексикографического описания, в особенности многозначной лексики [Hanks, Schryver 2016; Hanks 2020], словосочетаний, идиоматических оборотов и т.п. [Huang, Tarp 2021, 77]. Сложным и нетривиальным вопросом для современных цифровых помощников является передача лексикографической информации вообще и аналогичная информация о разного рода словосочетаниях, особенно терминологических, для которых еще не выработан последовательный и дружественный алгоритм описания и формальные модели их перевода; см. примеры: *in a (basically) technology-**driven** way, customisable web-**based** tool, web-**based** dictionary management system for bilingual dictionaries* и т.д., ср. «A low database quality is originating from a poor compilation or storage of the lexicographic data» [Huang Tarp, 2021, 77—78].

Особое внимание уделяется одной из наиболее остро стоящих терминологических проблем — переводу на родной язык и с родного языка многокомпонентных терминов, которые все более активно появляются во всех отраслях знаний, в первую очередь, в английской языке в области цифровых технологий и составляют в нем более 75 % от всей терминологии [Пегов 2017]. Их важнейшей чертой является структурная усложненность, идиоматичность и лингвоспецифичность, и потому в большинстве случаев невозможность их пословного перевода, который используется в современных автоматических переводчиках с родного, английского языка на любой другой национальный, ср. неудачный (выделенный меткой «неправильно» — астериском) перевод:

а *usage-**based** grammar* ‘*грамматика на основе использования’ (*DeepL*);

*emergence in usage-**based** grammar* ‘*появление в грамматике, основанной на использовании’ (*DeepL*);

*a novel web-**based** method for running online questionnaires* — ‘новое решение…, *основанное на использовании интернета’ (*YandexTranslate*).

Так, незамысловатое (с точки зрения английского языка) терминологическое словосочетание типа *corpus-**based** study* в автоматическом переводчике *DeepL* преобразуется

в следующие громоздкие нетерминологические варианты: ?‘исследование *на основе* корпуса’, ?‘«исследование, *основанное на* корпусе’ и ?‘исследование *на базе* корпуса’. Важно, что многокомпонентные структурно усложненные с точки зрения русского языка термины типа *a corpus-**based** study,* а *usage-**based*** grammar, *a usage-**based** nature* и т. п. используются в английском языке не только в соответствующих специальных текстах, чаще всего междисциплинарных, но и в аннотациях к ним, а также в главном их метакомпоненте — в названиях научных публикаций, выражая в них основное содержание. См. выделенные полужирным шрифтом конструкции:

1. Van Oost A., Willems A, De Sutter. Asymmetric syntactic patterns in German-Dutch translation: A *corpus-**based** study* of the interaction between normalisation and shining through // International Journal of Translation. № 28(1). 2016. P. 25.

2. Jonathan D. Exposure and emergence in *usage-**based*** grammar: computational experiments in 35 languages // Cognitive Linguistics. vol. 33. №. 4. 2022. Pp. 659 — 699. // https://doi.org/10.1515/cog-2021-0106.

3. Stoet G. PsyToolkit: A novel *web-**based*** method for running online questionnaires and reaction-time experiments // Teaching of Psychology. № 44(1). 2017. P. 31.

4. Barking M., Backus A., Mos M. Individual corpus data predict variation in judgments: testing the *usage-**based** nature of mental representations* in a language transfer setting // Cognitive Linguistics. vol. 33. № 3. 2022. 481 — 519. // https://doi.org/10.1515/cog-2021-0105.

Так, в статье (4) «Individual corpus data predict variation in judgments: testing the usage-**based** nature of mental representations in a language transfer setting» использованы, в частности, еще и следующие термины, легко включающие в свой состав дополнительные терминологические компоненты, отсутствующие в автоматическом словаре или переводимые компьютерными переводчиками неправильно: *needs-**adapted** data presentation* (using principles for making dictionaries that provide users with limited amounts of structured data from which useful information can be retrieved); *a commercially **driven** language tool* (that us-

es a language module based on statistics and is in the process of using Artificial Intelligence (AI) technologies) и другие, которые в компьютерном переводе плохо читаются.

Точно так же в статьях (1) — (3) (а также во множестве других) встречаются аналогичные модели, которые: 1) не могут быть переведены пословно, 2) нуждаются в установлении специальных формул их перевода, 3) нуждаются в приведении в соответствие с нормами языка перевода. Следует иметь ввиду важное явление, которое нигде не отмечено явным образом, о том, что типологические различия между русским и английским языком проявляются, в частности, в гораздо более активно развитой системе деривации (и соответствующих значений) в русском языке, чем в английском, в том числе в виде адъективной и субстантивной деривации.

Следовательно, мнение о том, что при переводе на русский язык с английского текст перевода может оказаться длиннее, чем оригинал, представляется не совсем точным. Между тем в этом нет ничего удивительного. Дело в том, что в русском языке чрезвычайно развито словообразование, которое способно выразить различные полнозначные смыслы и идеи. Ср. приводимые в книге [Шмелев, 1982, 277] примеры типа *теплоизоляция*, *радиоприемник*, *телеприставка* и многие другие (ср. *словосложение*). Так, производные прилагательные и существительные в русском языке способны выражать весьма объемные смыслы. В английском языке адъективное и субстантивное словообразование гораздо беднее, и потому в нем приходится выражать вспомогательные, уточняющие смыслы полнозначными лексемами.

Приведём примеры цифровых многокомпонентных терминов на английском языке из публикаций (1) — (3) и их корректный перевод:

*context-**adapted** analysis* ‘**контекстуальный** анализ’;

*computer-**based** training* ‘**компьютерное** обучение’;

*usage-**based** assertion* ‘**практическое** утверждение»’;

*in line with a usage-**based** assumption* ‘в соответствии с **практическим** предположением’;

*usage-**based** predictions* (*do not explain all of the variation*) ‘практические предположения (не объясняют все разнообразие выражения смысла)’;

(*fundamental*) *assumptions in usage-**based** approaches (to language)* ‘(исходные) предположения относительно **практического** подхода (к языку)’;

*usage-**based** nature* (*of mental representations*) ‘**практические** принципы (выражения ментальных репрезентаций)’;

*revealing usage-**based** variation* ‘установление вариаций в **употреблении’**;

*a novel web-**based** method for running online questionnaires* ‘новый интернет-метод проведения **онлайн**-опросов’;

*the item-**based** nature* (*of children’s early syntactic development*) ‘принцип **ориентации на** образец (при раннем усвоении синтаксиса родного языка детьми)’;

*corpus-**driven** approaches* ‘**корпусные** методы’;

*a construction-**based** approach to language* ‘**конструкционный** подход к языку’;

*L2-**induced** changes in the L1 (of Germans)* ‘**влияние** второго языка (английского) на первый (немецкий)’.

Приведенные реальные примеры из современных публикаций на тему автоматической обработки текстов на естественном языке (Natural Language Processing — NLP) ярко демонстрируют асимметрию англо-русских терминологических и словообразовательных явлений. Отсюда следует необходимость обучения систем автоматического перевода распознаванию идиоматичности многокомпонентных словосочетаний, необходимость разработки моделей перевода современных многокомпонентных лингвоспецифичных терминологических словосочетаний с английского языка на русский и принципов перевода терминологии с русского языка на английский. Кроме того, на повестке дня также более оперативное включение соответствующих актуальных явлений в автоматические системы перевода, письма, устной речи и т.д., ср. распространенный на английском языке тип названия: Mend H., Amiri M. *Example-**based** Machine Translation* from Eng-

lish to Farsi with the help of Word Net Ontology // Indian Journal of Science and Technology. 2015. № 8(11), 1—6.

Современный научный и технический английский язык активно пополняется за счет новых эффективных широко распространенных словообразовательных и синтаксических моделей. Способы их перевода с английского языка могут быть различными. Так, терминология цифровых технологий значительно отличается от других терминосистем целым комплексом свойств. Главное из них это ее аутентичность (идиоматичность и фразеологичность для носителей других языков). Соответственно, современные специалисты в области перевода предлагают считать наиболее продуктивными способами передачи на другой язык многокомпонентных терминов такие варианты непереводимых дословно англоязычных словосочетаний, как *добавление* необходимого по смыслу (в данном языке) элемента, *элиминация* плеонастического элемента и ‘*нормализация* выражения**’** (поиск естественного звучания для выражения заданного смысла на другом языке) [Baker 1993; Lefer 2012; Cappelle, Loock 2013; Van Oost et al. 2016].

Приведем примеры и их перевод на русский язык:

*corpus-**driven** lexicography* ‘**корпусная** лексикография’;

*web-**based** (lexicographic) tool* ‘(лексикографический) **веб**-инструмент’;

*computer-**supported** collaborative writing* ‘корпоративное письмо **при поддержке цифрового устройства**’;

*meaning-**oriented** classification of collocations* ‘**семантическая** классификация словосочетаний’;

*discipline-**specific** corpora* ‘**дисциплинарные** корпусы’.

Многословные и сложно устроенные терминологические конструкции, особенно инновационные, требуют тщательного поиска их иноязычного эквивалента или создания переводного соответствия, которое будет точно передавать его смысл и будет достаточно простым и удобным в обращении. Примерами могут служить такие усложненные с точки

зрения русского языка английские специальные понятия, как *a human-centered design and terminology, computer-mediated communication discourse; mobile-assisted language learning* [Loewen et al. 2019]. (Cf. «Contemporary terminological resources have considerable importance for translators… Unfortunately, these resources are frequently of poor quality» [Durán-Muñoz 2010, 55; Kim et al. 2022]; «Some projects mainly re-use already existing lexicographic data *in a basically technology-**driven*** way, without explicitly applying any specific lexicographic approach» [Tarp et al. 2017, 495]).

В подтверждение высказанных соображений следует отметить, что в 1993 г., т.е. с начала корпусных исследований в области перевода, зарубежными учеными было установлено, во-первых, что перевод всегда отличается **лексически, грамматически** и **дискурсивно** от оригинала («Many corpus-based translation scholars have shown that language use in translated and non-translated texts differs considerably on all linguistic levels — lexical, grammatical, discursive» [Baker 1993; Van Oost et al. 2016, 7]. Большинство из этих различий трактуется в настоящее время как переводческие универсалии (Most of these differences were interpreted as direct evidence for one or more so-called translation universals, such as explicitation, simplification and normalisation [Baker 1993, Baker 1996]. For instance [Olohan, Baker 2000], consider the higher frequency of explicit complementiser *that* in translated English (compared to non-translated English) as an indicator of the explicitation universal). Напомним также, что межъязыковые эквиваленты делятся, соответственно, на три вида и, как уже указывалось, к ним относятся экспликация, упрощение и нормализация конструкции (приведение ее в соответствие с нормами языка перевода), ср. explicitation, simplification and normalisation [Baker 1996].

Большинство переводчиков обращало внимание на то, что при переводе с английского языка на русский приходится добавлять намного больше слов и элементов (например, предлогов), чем при обратном переводе. Так, в словаре С.В. Пегова по атомной энергетике содержится множество подобных примеров, ср. ***pebble** bed* ‘**активная** зона **с** шарообразными топливными **элементами’** (где *pebble* ‘гранулированное топливо’), ***wet-***

autoclaved ‘автоклавированный **во** влажной **атмосфере’** [Пегов 2017, 33]. В результате термины атомной энергетики и других областей на английском языке в большом количестве случаев оказываются более компактными и свернутыми, чем их русские соответствия и приобретают свойство устойчивого словесного комплекса; ср. *safety injection* ‘впрыск раствора борной кислоты’, *auxiliary system* ‘система собственных нужд’. Аналогичные случаи можно наблюдать и в других терминосистемах. При переводе терминологических словосочетаний с английского языка на русский приходится добавлять и эксплицировать значительное количество полнозначных слов, необходимых по смыслу. Это, в свою очередь, может снижать терминологическое значение выражения по-русски и может потребовать поиска или создания более компактного термина. Так, приводимые ниже аутентичные примеры из современных публикаций по корпусной лингвистике показывают, насколько неудачен их компьютерный перевод, и насколько профессиональным должен быть их точный и корректный перевод на русский язык. Например:

*lexicography-**assisted** writing *письмо **с помощью** лексикографии* **vs** **‘**лексикографически ***поддержанное*** письмо’;

*goal-**oriented** language courseware design — ***целеустремленный** дизайн языкового курса* **vs** ‘*тематический план содержания языкового курса*’.

Аналогичная картина наблюдается при переводе с английского языка и в других предметных областях, см. неудачный перевод терминов менеджмента:

employee-centered manager ??? *руководитель, сосредоточенный на человеке* **vs.** ‘менеджер по персоналу’.

Следует подчеркнуть, что современные терминологические службы даже в современном цифровом формате не успевают фиксировать новую терминологию, ср. «Постоянная недостаточность терминологии, отстающей от реального технического прогресса, представляет собой архаизирующую сущность любой традиционной терминологии. Язык имеет тенденцию приходить в соответствие с материальным прогрессом, но, во-

первых, это соответствие осуществляется с неизбежным опозданием, а, во-вторых, сам способ достижения этого соответствия обычно выдает себя» [Шмелев 1982, 32].

В заключение следует отметить, что современные международные достижения в цифровой лексикографии в настоящее время настраиваются на принципиально новый подход к переводу специальных текстов. Он связан, во-первых, с использованием нейронных сетей, и, во-вторых, с развитием и внедрением в компьютерную лексикографию экстралингвистической энциклопедической информации (см., например, [Simonsen 2020; Fuertes-Olivera 2022; Рябцева 2023]). Современная лексикография постепенно преобразуется в коммерческую деятельность, в том числе создает многоязычные, разносторонние и интегрированные порталы, разрабатывает новые приложения ИИ, такие как «Artificial Lexicographer», утверждает единство знаний, которыми владеет человек, обеспечивая неразрывную связь между практической, лингвистической и энциклопедической информацией, которую следует включать во все виды словарей, предназначенных как для человека, так и для систем искусственного интеллекта. Нельзя также забывать, что для перевода современной научной терминологии с английского языка на русский, особенно в области цифровых технологий, как подчеркивают переводчики, необходимы профессиональные энциклопедические знания и относительно цифровых технологий, и относительно особенностей перевода устойчивых развернутых терминологических фразеологизированных оборотов, конструкций и выражений. Более того, необходимо также знать правила их развертывания, модификации и варьирования в обоих языках.

Литература

Пегов С. В. Терминологическая система атомной энергетики (на материале английского языка). Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. Тверь, 2018.

Рябцева Н. К. Современные терминологические проблемы в межъязыковом аспекте // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 6. С. 123—139. ISSN 2227-1295. (Riabtseva, N. K. (2022). Contemporary Terminological Problems in a Cross-linguistic Perspective. Nauchnyi

dialog, 11(6): 12.) ISSN 2225-756X (Print) ISSN 2227-1295 (Online) // https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/3958. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-123-139.

Рябцева Н. К. «Дополненная лингвистическая реальность» и современная терминография: межъязыковой аспект // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака. Т. 8. Сборник статей по итогам VIII международной конференции (20—24 марта 2023 года). М.: Издательство «Спутник +», 2023 (в печати).

Шмелев Д. Н. (отв. ред.) Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982.

Baker M. Corpus linguistics and translation studies: implications and applications // Baker M., Francis G., Tognini-Bonelli E. (Eds.). Text and Technology: in Honour of John Sinclair Amsterdam: Benjamins, 1993. Pp. 17—45.

Baker M. Corpus-based translation studies: The challenges that lie ahead // H. Somers (Ed.). Terminology, LSP and Translation: Studies in Language Engineering in Honour of Juan C. Sager. Amsterdam: Benjamins, 1996. Pp. 175—186.

Cappelle B., Loock R. Is there interference of usage constraints? A frequency study of existential *there* and its French equivalent *il y a* in translated vs. non-translated texts // Target. № 25(2), 2013. Pp. 252—275.

Fuertes-Olivera P. A. A Cambrian Explosion in Lexicography: Some Reflections for Designing and Constructing Specialised Online Dictionaries // International Journal of Lexicography. № 29(2), 2016. Pp. 226—247.

Fuertes-Olivera P. A., Esandi-Baztan M. Integrating Terminological Resources in Dictionary Portals: The Case of the *Diccionarios Valladolid-Uva*. Lexikos. № 30(1). 2020. Pp. 90—110. DOI: https://doi.org/10.5788/30-1-1598.

Fuertes-Olivera P. A., Tarp S. Fourth Industrial Revolution. A window to the future: Proposal for a lexicography-assisted writing assistant // Lexicographica. 2020. Pp. 257—286. DOI: https://doi.org/10.1515/lex-2020-0014.

Fuertes-Olivera P. The Mental Lexicon in Lexicography: The Diccionarios Valladolid-UVa. Lexikos. 2022. № 32. Pp. 118—140. DOI: 10.5788/32-1-1712.

Jonathan D. Exposure and emergence in usage-based grammar: computational experiments in 35 languages // Cognitive Linguistics. vol. 33, № 4, 2022. Pp. 659—699/ DOI: https://doi.org/10.1515/cog-2021-0106.

Hanks P. Lexical Analysis: Norms and Exploitations. Cambridge, Mass./London: MIT Press, 2013.

Hanks P. English Dictionaries and Corpus Linguistics. The Cambridge Companion to English Dictionaries, 2020.

Hanks P., Schryver G-M. (Eds). International Handbook of Modern Lexis and Lexicography. Springer Berlin, 2016.

Huang F., Tarp S. Dictionaries Integrated into English Learning Apps: Critical Comments and Suggestions for Improvement // Lexikos. № 6 (31), 2021. Pp. 68—92. DOI: http://doi.org/10.5788/31-1-1626.

Stoet G. PsyToolkit: A novel *web-**based** method* for running online questionnaires and reaction-time experiments // Teaching of Psychology. № 44(1). 2017. Pp. 24—31.

Loewen S., Crowther D., Isbell D. R., Kim K. M., Maloney J., Miller Z. F., Rawal H. Mobile-Assisted Language Learning: A Duolingo Case Study // ReCALL. № 31(3). 2019. Pp. 293—311.

Kilgarriff A, Rychlý P., Smrž, P., Tugwell D. The Sketch Engine // Information Technology, 2004. Pp. 105—115.

Kim H., Chen Y., Liu X. Bilingual processing of verbal and constructional information in English dative constructions: effects of cross-linguistic influence // Cognitive Linguistics. vol. 33. №. 4. 2022. Pp. 701—726. DOI: https://doi.org/10.1515/cog-2021-0122.

Lefer M.-A. Word-formation in translated language: The impact of language-pair specific features and genre variation // Across languages and cultures. № 13(2), 2012. Pp. 145—172.

Nielsen S. The Future of Dictionaries, Dictionaries of the Future // Jackson H. (Ed.). The Bloomsbury Companion to Lexicography. London/New York, 2013. Pp. 355—372. DOI:10.5040/9781472541871.ch-018.

Olohan M., Baker M. Reporting *that* in translated English: Evidence for sub conscious processes of explicitation? // Across languages and cultures. № 1(2), 2000. Pp. 141—158.

Rundell M., Kilgarriff A. Automating the Creation of Dictionaries: Where Will It All End? // Meunier F., de Cock S., Gilquin G., Paquot M. (Eds.). A Taste for Corpora. In Honour of Sylviane Granger. Amsterdam/ Philadelphia, John Benjamins, 2011. Pp. 257—282.

Tarp S. Connecting the Dots: Tradition and Disruption in Lexicography // Lexikos. № 29, 2019. Pp. 224—249.

Tarp S., Fisker K., Sepstrup P. L2 Writing Assistants and Context-Aware Dictionaries: New Challenges to Lexicography. Lexikos. № 27, 2017. Pp. 494—521.

Tarp S. Turning Bilingual Lexicography Upside Down: Improving Quality and Productivity with New Methods and Technology // Lexikos. № 32, 2022. Pp. 66—87.

Van Oost A., Willems A, De Sutter. Asymmetric syntactic patterns in German-Dutch translation: A corpus-based study of the interaction between normalisation and shining through // International Journal of Translation. № 28(1), 2016. Pp. 7—25.

Lexicography today and tomorrow:

«The Future of Dictionaries, Dictionaries of the Future»

Nadezhda Riabtseva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

The paper shows that traditional ways of introducing new lexicographic items into the terminology of Russian, such as calquing (literal translation), transliteration and transcription from a foreign language, cannot be used in translating contemporary English extended digital terminology. New items cannot be rendered word by word because of their language-specific character. Contemporary corpus-based translation studies reveal that language use in translated and non-translated texts differs considerably on all linguistic levels — lexical, grammatical, and discursive, and these phenomena are not lexicographically fixed yet. Most of these differences

were interpreted as direct evidence for the so-called translation universals, such as *explicitation, simplification and normalization,* that are supposed to be incorporated into the future digital lexicographic products.

Key words: translation, terminology, explicitation, simplification, normalization.

Содержание

Проблемы описания языка

Абакумова О.Б., Цуканов М.В. (Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева). Нумерологический код культуры и его использование в преподавании иностранного языка и межкультурной коммуникации (на материале английского и русского языков и лингвокультур)……. 4

Ануфриев А.А. (Институт языкознания РАН). О некоторых особенностях употребления конструкций с семантикой сожаления в романских языках……... 25

Бакина А.Д. (Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева). Развитие коммуникативной компетенции средствами фразеологии библейского происхождения…..…..……..... 50

Дронов П.С. (Институт языкознания РАН). Акцентологическая вариантность фразеологических единиц……...……... 66

Зотова А.К., Романова О.И. (Институт языкознания РАН). Описание языковых явлений: факты и артефакты (на материале веб-версии базы данных «Языки мира» ИЯз РАН)….……...…….. 75

Иоанесян Е.Р. (Институт языкознания РАН). Сравнительно-сопоставительный анализ дискурсивных единиц……..……...……... 88

Рябцева Н.К. (Институт языкознания РАН). Лексикография сегодня и завтра: The Future of Dictionaries, Dictionaries of the Future…….…….. 114

Об авторах

Абакумова Ольга Борисовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева; e-mail: abakumova-ob@mail.ru/

Ануфриев Александр Александрович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: colombaaa@list.ru.

Бакина Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английской филологии, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева; e-mail: Heart-anna@yandex.ru.

Дронов Павел Сергеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова Института языкознания РАН; e-mail: dronov@iling-ran.ru.

Зотова Анастасия Кирилловна, младший научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: zotova@iling-ran.ru.

Иоанесян Евгения Рафаэлевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: ioanevg@mail.ru.

Романова Ольга Иосифовна, научный сотрудник сектора ареальной лингвистики Института языкознания РАН; e-mail: olga.romanova@iling-ran.ru.

Рябцева Надежда Константиновна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, зав. отделом прикладной лингвистики; e-mail: nadia_riabceva@mail.ru,

Цуканов Михаил Викторович, аспирант Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева; e-mail: Super-super-mikhail@yandex.ru.